

12
1982
ПОБЕДИМ

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР

к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присутствующими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене — политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным пронкам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплавиваются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в жизнь. Партия будет и впредь делать все

для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантюр не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отворотить от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непокколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсег-

да вошло в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся Чрез-

вычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

60 ЛЕТ СССР

Шестидесятилетие СССР — знаменательное событие в жизни советского народа, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма. В эту славную годовщину Советский Союз предстает перед всем миром как дружная семья равноправных республик, совместно строящих коммунизм. Монолитно социально-политическое и идейное единство нашего общества. Нерушима сплоченность советского народа вокруг родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета.

Из постановления
ЦК КПСС
«О 60-й годовщине
образования Союза
Советских
Социалистических
Республик»

Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским.

В. И. ЛЕНИН

Пробным камнем для проверки искренности и честности каждого деятеля рабочего движения, каждой рабочей партии и организации трудящихся, каждого демократа в капиталистических странах является их отношение к великой стране социализма.

Георгий ДИМИТРОВ

Миллионы граждан смотрят в сторону Москвы, видя в ней горнило опытов, имеющих общечеловеческое значение; нельзя помешать человеческому разуму устремить свои взоры на красную звезду Кремля как на небесное светило, поднимающееся над новым человечеством.

Пальмиро ТОЛЬЯТТИ

Российская Советская республика окружена клеветой и ненавистью. Но она возвышается над всем этим грязным и мутным потоком как великое дело, полное гигантской энергии и благороднейших идеалов. В ней берет свое начало новый, лучший мир.

Карл ЛИБКНЕХТ

Советский Союз является плодом самой пламенной надежды народов всего мира, он является живым воплощением наших мечтаний, он является самым мощным осуществлением социального прогресса.

Ромен РОЛЛАН

В России я увидел народ, умеющий мыслить. И именно в России, скорее чем в какой-либо другой стране, суждено в наши дни появиться великим откровениям как в смысле практических преобразований, так и в области мысли.

Анри БАРБЮС

Советская республика родилась в нищете. Непобедимая, она явилась носительницей нового духа, грозящего гибелью всем правительствам несправедливости и угнетения.

Анатолий ФРАНС

В настоящий момент Россия — самая мощная крепость в сфере человеческого духа.

Уолдо ФРЭНК

Где бы на земле люди ни боролись за свою свободу, за свою независимость, за право строить свое счастье — везде с ними рядом стоит великий образ Советского Союза.

Генрих МАНН

Советский Союз своим потрясающим строительством, своим героическим сопротивлением, своим грандиозным опытом осветил жизнь многих народов и многих людей.

Пабло НЕРУДА

ХЛЕБ ЗА ДРУЖЕСКИМ СТОЛОМ

Майк ДАВИДОУ,
корреспондент газеты
американских коммунистов —
«Дейли уорлд» в Москве

Завгуста 1981 года я смотрел по телепрограмме Си-би-эс очередную передачу под названием «Оборона США». Комментатор Си-би-эс спросил американского солдата — оператора ракетной установки, которому предстояло нажать на роковую

Из книги «Третье поколение», написанной в 1981 году для зарубежных читателей. Готовится к печати в издательстве «Прогресс».

кнопку, знает ли он, какую «цель» поразит его ракета.

— Нет, — ответил солдат.

— А вам было бы интересно это узнать? — не отставал ведущий.

До этого оператор ракетной установки отвечал с типичной для солдата лаконичностью: «Да, сэр», «Нет, сэр». Он был спокоен, ведь речь шла о «безликом» противнике. Теперь, когда его заставляли идентифицировать абстрактное понятие «цели» с более

конкретными понятиями, ему было явно не по себе.

— Так хотите ли вы знать, на что конкретно нацелена ваша ракета? — упорствовал неутомимый ведущий.

— Нет, не хочу! — ответил парень.

— Почему? — не унимался комментатор.

— Потому что тогда бы во мне заговорили чувства.

На этот раз он уже не прибавил «сэр». Я вернулся в США несколько дней

назад, а до этого три месяца прожил бок о бок с этим «безликим» противником в Кичере, затерянном в море тайги селении, где мирный отряд молодежи строил Байкало-Амурскую магистраль; в Набережных Челнах, где на КамАЗе молодые ребята выпускают грузовики; в городе ученых, крупнейшем в мире, — академгородке; в Тбилиси, столице прекрасной Грузии, где я встретился с молодыми талантами грузинской кинематографии; в совхозе «Красноармейский» (богатеиший Кубанский край), где разговаривал с молодыми колхозниками; в Московском университете, где встретился с преподавателями и студентами факультета журналистики; в Верховном Совете СССР, где был принят Натальей Бесмертновой, всемирно известной балериной Большого театра, и Борисом Кашиным, выдающимся математиком, членом Комиссии по делам молодежи. И самое главное — я столкнулся лицом к лицу с «безликим» противником в военной форме, а именно — с молодыми советскими офицерами, так непохожими на того американского солдата, который не хотел знать, что скрывается под понятием «цель». В своей книге я хочу показать молодому американцу советских людей, их миролюбие и доброжелательность.

У меня за плечами почти 6 лет жизни в СССР. Я бывал в СССР много раз и имел возможность преломить хлеб за дружеским столом с представителями 14 из 15 советских союзных республик. Свои наблюдения я изложил в книгах «Города без кризисов», «Советский Союз глазами американца», «Народный театр: от сцены до кассы», «Почему Иван умеет читать, а Джонни нет», «Московский дневник», «Демократия на словах и демократия на деле».

Цель этой книги — написать словесный портрет советской молодежи — третьего после Октябрьской революции поколения. Молодежи, которая занята величайшим мирным делом — строительством новых человеческих отношений, делом, ради которого жертвовали жизнью их деды, матери и отцы. Первого поколения советских людей, живущего без войны и постоянно отстаивающего мир. Советские люди заняты созидательным трудом. Отряды советской молодежи — это мирные отряды искателей и первооткрывателей в величайших мирных делах всех времен и народов. Их дела — БАМ, КамАЗ, гигантские газопроводы в Сибири, которые обеспечивают газом не только СССР и социалистические страны, но и удовлетворяют энергетический голод Западной Европы. «Уолл-стрит джорнэл» 7 августа 1981 года так писал о грандиозных планах строительства в СССР: «По сравнению с советским наш Аляскинский газопровод кажется просто младенцем. Это будет гигантская труба большого диаметра, протянувшаяся на тысячи миль в Западную

Европу через льды, снега и вечную мерзлоту Западной Сибири»¹.

Чем же объяснить, что американские строительные объекты выглядят младенцами по сравнению с советскими? Ответ один — военный бюджет администрации Рейгана свел нашу гигантскую индустриальную мощь на «младенческий уровень» и лишил работы более 11 миллионов американских рабочих. Существование и осуществление столь гигантских планов, требующих полной отдачи от всех советских людей и прежде всего молодежи, — лучшее опровержение мифа о советской угрозе и советских попытках достичь военного превосходства.

Когда в мае 1972 года в Москве, на встрече глав наших государств, был подписан документ, в котором говорилось о том, что в ядерный век не существует разумной альтернативы войне, люди всего мира вздохнули с облегчением. Казалось, годы «холодной войны» канули в небытие. Но уже в 1980 году, когда я приехал в Москву, я почувствовал озабоченность: что происходит с США? А с приходом к власти нынешней администрации, когда вместе с неслыханным ростом вооружений началась истеричная антисоветская пропаганда, озабоченность переросла в тревогу: «Что же за безумие охватило США? Зачем США все это надо?» С этими вопросами я сталкивался повсюду.

Но больше всего меня потрясла одна сцена, участником которой я оказался во время приема, устроенного в мою честь жителями совхоза «Красноармейский». Люди собрались со всего села, чтобы поприветствовать «американского гостя». Хозяева дома были людьми воспитанными и не задали гостю тот наболевший вопрос, который я читал в их глазах. Я давно заметил за столом красивого, начинающего сидеть человека. Он не принимал участия в общем веселье и молча смотрел на меня. Затем внезапно, словно не в силах больше сдерживаться, он воскликнул: «Что вам, американцам, от нас надо? Вам что мешает, что мы мирно и счастливо живем? Или вам мало наших 20 миллионов погибших?» В голосе было больше боли, чем гнева. Воцарилось молчание. Я глянул на сидящих вокруг. Хозяева начали было корить его за то, что он обидел «нашего американского гостя». Но их доброта и желание успокоить меня лишь усугубили жгучее чувство вины.

Почему народ, самоотверженной борьбой и ценой неисчислимых потерь спасший народы мира от ужасов фашизма, должен снова жить в тревоге? И как объяснить, почему эта угроза исходит от Америки? Вот о чем думал я в то мирное воскресное утро, сидя в благоухающем саду советского

¹ Имеется в виду договор «Газ—трубы». — Примеч. ред.

крестьянина. Об этом нам следует помнить, когда мы слышим слова «безликий противник».

Однажды, когда срок моего пребывания в СССР уже подходил к концу, раздался телефонный звонок.

— Ваша просьба удовлетворена, — сообщили мне.

— Какая просьба? — осведомился я.

— Вы ведь говорили, что хотели бы провести один день с советскими военнослужащими? Так что завтра рано утром будьте готовы.

Группа офицеров ожидала нас у входа. Высокий полковник при нашем появлении встал по стойке «смирно» и по-военному приветствовал нас, а молоденький офицер вручил мне букетик цветов. Среди встречавших меня я увидел генерал-полковника Давида Абрамовича Драгунского, героя Великой Отечественной войны, дважды Героя Советского Союза. По русскому обычаю мы обнялись. Генерал Драгунский возглавляет Высшие офицерские курсы «Выстрел», которые за 60 лет своего существования выпустили многих прославленных командиров.

— Начнем с того, что покажем наши «военные секреты», — сказал Драгунский. — А потом разговаривайте с молодежью сколько душе угодно. Подходит?

— Замечательно! — ответил я.

«Военными секретами» оказались учения, проведенные со скрупулезной точностью за 10 минут. Затем в комнате, выходящей окнами на площадку, где только что проходили учения, собрались вокруг большого прямоугольного стола человек 25 молодых офицеров, одетых в зеленую полевую форму.

— Я приехал к вам совсем не затем, чтобы обсуждать увиденное мной только что, — сказал я, показывая на «поле боя». — Я приехал, чтобы обсудить, как вы, советские люди в военной форме, и мы, американцы, можем сделать так, чтобы то, чему я сейчас был свидетелем, никогда не стало ничем иным, кроме как учениями. И более того, как добиться наступления такого дня, когда и в учениях не будет необходимости.

К сожалению, отношения между двумя нашими странами приняли за последнее время опасный характер, — продолжал я. — Нам твердят, что Советский Союз, то есть вы, представляете военную угрозу нашей безопасности и спокойствию. Поэтому я ставлю вопрос прямо. Предположим, сейчас на моем месте находится некий американский солдат. Что бы вы сказали ему?

Последовало долгое молчание. Затем один из молодых офицеров заговорил:

— Я инженер-механик. Родом из Минска. Белоруссия первой встретила удар фашистов. И я бы рассказал историю моей семьи. Многих своих родных я так и не успел узнать. Оба моих деда

были убиты фашистами. Я бы сказал американскому солдату: «Знаешь ли ты, сколько внуков не увидели своих дедов? Сколько детей выросло без отцов и матерей?» Я не видел войны, но мой отец всю жизнь так и не поправился после ранения.— Виталий Кулагин замолчал и отвернулся. Потом он сказал: — Мы ликовали, когда наши и ваши космонавты обменялись рукопожатием в космосе. Я бы сказал ему: «Разве не такие отношения должны быть между нами?»

Многим хотелось поговорить с воображаемым американским солдатом. Встал лейтенант Виктор Волошин:

— И отец и дед мой были военными. Я из Ростова-на-Дону. Вы там бывали? Нет? Очень зря! Вы обязательно, просто обязательно должны там побывать. Так вот что я бы сказал американскому солдату: «Ты молод, и я молод. Ты хочешь жить мирно в своем доме, и я хочу жить мирно в своем доме».

Молодой офицер, сидевший напротив, внимательно рассматривал меня. На какое-то мгновение я даже почувствовал себя этим воображаемым американским солдатом...

— Я капитан Филатов,— начал было он, но потом замолчал. Все выжидающе посмотрели на него.— Я родом из Ленинграда, прекрасного Ленинграда. Но мы любим свой город не только за красоту. Каждая пядь ленинградской земли пропитана кровью его защитников. Я водил своих солдат на Пискаревское кладбище. Там покоятся свыше 600 тысяч героически погибших ленинградцев. Перед их могилами мы клялись: «Это не должно повториться!» Я бы показал американскому солдату Пискаревский мемориал. Я бы сказал: «Мы помним наших убитых. Ты думаешь, те, кто похоронил столько своих близких в ту войну, хотят новой войны? Я бы отвел его в музей при мемориале и показал ломтик хлеба весом в 120 граммов — дневная порция на человека в те 900 дней блокады. Я бы дал ему почитать дневник Тани, в котором 12-летняя девочка описывала историю гибели своей семьи. И я спросил бы его еще раз: «Ты думаешь, мы хотим войны?»

Эта беседа с советскими солдатами была для меня не первой. Сыновья многих моих советских друзей служили в армии, я не раз обсуждал с солдатами пьесы во время антрактов в театре. Советские военнослужащие составляют значительную часть театральных зрителей. Я видел их на колхозных полях, помогающих убирать урожай. Я видел их в отпуске, когда, розовощекие, здоровые, они, взявшись за руки, шли по Красной площади. Но ни разу за 6 лет пребывания в СССР я не был свидетелем их недостойного поведения, что, к сожалению, совсем не редкость среди американских солдат. Бросались в глаза не только их образцовый вид и манера вести себя, но и отношение к ним советских людей.

Став солдатом или офицером Советской Армии, молодые люди не замыкаются на одной лишь военной службе. Мне запомнились слова старшего лейтенанта Никифора Антонова:

— Я занимался в детской музыкальной школе по классу фортепиано семь лет. Люблю театр. Так что же, если я военный, я должен отказаться от всего этого? Конечно, нет. Приходите в наш клуб, и вы сами убедитесь. У нас регулярно проводятся концерты классической музыки, есть свой довольно хороший ансамбль. К нам в гости приезжают выдающиеся исполнители, а Московская консерватория — наш шеф. По меньшей мере два раза в год консерватория устраивает для нас специальные концерты. Вы, наверное, знаете, как трудно достать билеты на театральные и оперные спектакли. Но мы все-таки довольно часто ходим в театр.

По дороге к «Выстрелу» я видел поля пшеницы, пасущиеся стада и подумал, что это земли какого-нибудь колхоза. Но, к моему удивлению, это оказалась территория курсов.

Капитан Павленко объяснил мне:

— Что делать с этими плодородными землями? Ведь не пропадать же им зря! Мы сами косим сено и отдаем его соседям-колхозникам.

— Вы хотите сказать, продаете? — переспросил я.

— Почему же продаем? Мы им отдаем сено бесплатно.

— И так принято во всех воинских подразделениях?

— Конечно! — ответил Павленко.

Полковник Анатолий Слесарчук, начальник боевой подготовки курсов, обрадовался затронутой нами теме.

— У нас здесь плодородная земля,— включился он в разговор.— Многие солдаты родом из деревни. Безразличное отношение к земле для них все равно что преступление. У нас стадо в пятьдесят коров, свинарник на двести голов, плодовый сад. На наших столах свежее молоко, мясо и овощи. Мы снабжаем армейскую столовую. А работаем в свое свободное время.

— А что вы скажете о тех солдатах, которых я видел на стройках и во время ремонтных работ в городе? А также о тех, которых я видел на полях, собирающих урожай? — спросил я.

— Крупные строительные работы производятся подразделениями военных строителей. А что касается сбора урожая, то им занимаются солдаты всех родов войск,— ответил Павленко.

Во время второй мировой войны я почти четыре года служил пехотинцем в американской армии. Я принимал участие в битве за Окиनावу в составе 165-го пехотного полка 27-й дивизии. Мои товарищи испытывали интерес и уважение к Советской Армии. Все знали, что я коммунист, и считали меня

своего рода авторитетом в этом вопросе. Несмотря на то что СССР был нашим союзником, реакционная часть командования армии считала людей с коммунистическими взглядами недостаточно благонадежными, чтобы быть на передовой. И мне в буквальном смысле слова приходилось сражаться за право сражаться. Моим однополчанам была известна моя настойчивость, и одни не понимали, зачем это мне, другие считали, что я делаю глупости. Мои рапорты с просьбой послать меня на фронт только усугубляли их интерес к коммунистам. Когда пришла весть о том, что Советский Союз разгромил «непобедимый» вермахт и уничтожил Квантунскую армию в Маньчжурии, наши солдаты ликовали по поводу победы Красной Армии.

«Что же за солдаты в этой армии? — спрашивали меня они.— Почему они так хорошо воюют?»

Они ничего не знали про армию нашего главного союзника. Те же реакционные силы в США, на которых лежит ответственность за умалчивание фактов героической борьбы и побед Советской Армии во вторую мировую войну, за превращение этой войны в «неизвестную войну», и сегодня пытаются скрыть от американцев народный характер Советских Вооруженных Сил. Советская Армия могла так драться оттого, что это была поистине народная армия. Но мои товарищи не верили мне, они считали, что, наверное, было еще что-то другое.

Американцу, чье понимание правящих партий ограничено представлением о двух партиях большого бизнеса — республиканцах и демократах,— трудно себе представить ту любовь и уважение, которыми пользуется Коммунистическая партия Советского Союза. Такое доверие к партии, которому буржуазные партии могут лишь позавидовать, нельзя купить, его можно лишь заслужить. И Коммунистическая партия Советского Союза, и комсомол заслужили его, показав примеры героизма в решительных схватках с врагом. «Коммунисты, вперед!» — таков был призыв и команда в каждом бою, и тысячи и тысячи коммунистов и комсомольцев отдали свои жизни, поднимаясь в атаку по этому призыву. Идя в бой под Окиनावой во время второй мировой войны, я никогда не слышал команды: «Республиканцы и демократы, вперед!»

Я смотрю телевизор, с экрана которого льется невыносимый бред, и мне кажется, что мне снится кошмар.

Ведущий Си-би-эс Дан Разер берет интервью у генерала командования стратегической авиации США, отвечающего за приведение в исполнение фатального решения — ядерного уничтожения нашей планеты...

Перевел с английского
М. КАМЕНСКИЙ

Хлеба уже убраны. Кажется, что поезд мчится прямо по желтому жнивью. Подъезжаем к Днепрогэсу, гордости советской индустрии. Его фотографии я встречал не только здесь, в Советском Союзе, но и во многих зарубежных изданиях. Под нами мчится Днепр, из поезда он кажется более быстрым, чем наш Дунай. Прибываем в Александровск.

По обе стороны широкой дороги деревья, за деревьями одноэтажные дома, во дворах тоже деревья и цветы, за домами мелькают курятники, колодезные журавли, небольшие картофельные поля. Играют дети, болтают кумушки. На холмистой гряде висят ветряные мельницы. Обычная сельская картина.

Въезжаем на холм, некоторое время машина идет вдоль пашни, простирающейся целым куском, — значит, вдоль пашни какого-то колхоза. Впереди бесконечные заводы, будто подвешенные к облакам. Слева виден Днепр во всю свою величину, новый железнодорожный мост и на большой высоте счетверенные сверкающие провода — высоковольтная линия над Днепром без единой опоры в воде.

Внезапно машина соскальзывает на зеркально гладкий асфальт. Вот он —

ДНЕПРОГЭС

современный город из трех- и четырехэтажных домов с плоскими крышами и большими окнами. Это Днепрогэс, в нем живет сто тридцать тысяч человек.

Под балконами, увитыми вьюнами, стекла витрин, на асфальтированных тротуарах цветочные клумбы и удивительно большие деревья. Позднее я узнал, что их привезли сюда в пятишестилетнем возрасте и засадили ими весь город. Звенят трамваи. Останавливаемся против киоска с мороженым. Здесь гостиница.

В ресторане двенадцать английских журналистов в вышитых украинских рубашках. Большой черноусый метрдопель, вылитый итальянец, бывший боксер, насвистывая, улыбаясь и пританцовывая, обслуживает нас.

После ужина по широким улицам, где перекачиваются волны гуляющих, идем к шлюзам. На развороченной темной площади прокладывают трамвайную линию. Ориентиром нам слу-

Дюла ИЙЕШ,
венгерский писатель

жит все усиливающийся рев падающей воды. Наконец-то перед нами река и через нее над грохочущей пеной полукругом висит огромная плотина.

Мой гид смотрит на меня вопросительно. Перед нами и в самом деле потрясающее зрелище. На протяжении семисот пятидесяти метров¹ реку перегораживает каменная стена высотой в пятьдесят метров. По освещенному гребню плотины летят автомобили. Из сорока семи головокруглительно огромных шлюзов пока только один с грохотом извергает воду.

Поднимаюсь на гребень. В темноте

¹ Некоторые данные, приведенные известным венгерским писателем Д. Ийешем, незначительно отличаются от фактических. Так, например, длина плотины — 760 метров, высота — 60. Однако, учитывая, что «Путевой дневник» был написан в 1934 году, редакция оставила авторский текст без изменений.

с левой стороны едва видно, как прыгает внизу река: с правой стороны за огромными затворами она гудит угрожающе, наваливаясь на каменную стену, почти вровень с нашими головами. На мгновение цепенеешь от страха — сейчас она все сокрушит своей жуткой массой.

На мосту знакомлюсь с молодым рабочим, который с удовольствием говорит то, что сказал бы, наверное, каждому: еще в 1926 году на месте, где стоит город, ничего не было.

В десять утра один из инженеров читает обещанную английским журналистам лекцию об истории Днепрогэса. Коротко записываю то, что, впрочем, известно всей Западной Европе.

Днепр — главная артерия Украины. Из-под Смоленска он течет на протяжении двух тысяч километров и впадает в Черное море. Речной путь повсюду гладкий, и только отсюда до Днепропетровска русло загорожено огромными скалами, сжато отмелями — плавание опасно не только для пароходов, но и для лодок. Выше по течению, до Смоленска, водная дорога опять свободна. Задача, поставленная еще в начале прошлого века, следовательно, такова: сделать возможной

для навигации эту стокилометровую западню. В 1926 году разработали план: на одном из участков поднять реку на такую высоту, чтобы скалы и отмели оказались под водой, а на другом участке параллельно старому руслу прорыть канал, по которому через подъемные шлюзы могли бы проходить корабли, везущие на север уголь, а на юг — древесину.

В ходе разработки проекта стало ясно, что поднятая вода может быть использована и для вращения турбин. Неподалеку много апатита, железной руды, бокситов, так что сама собою напрашивалась идея построить вокруг плотины промышленный центр.

В 1927 году начали строить. И то, что запланировали, сделали, оно у нас перед глазами, стоит только выглянуть в окно. Невольно все смотрят в окно на полноводную реку, на плотину и на заводы вдаль.

Уровень реки подняли на тридцать семь метров. С тридцатисемиметровой высоты вода низвергается на девять турбин мощностью девятью тысячами лошадиных сил каждая. Инженер гордо поднимает голову.

В то время ни один из европейских заводов не брался за строительство турбин для Днепрогэса. Завод нашли в Америке. Он и построил пять турбин.

— А остальные четыре? — спросил один из англичан.

— Мы сделали сами. Строительство плотины и шлюзов обошлось в триста миллионов золотых рублей, а возведение заводов — в восемьсот миллионов. Строительством руководили американский эксперт Кугель и русский инженер Винтер.

— Правда, что Кугелю выплатили миллион долларов? — спрашивают англичане.

— Правда.

Теперь спрашиваю я:

— А сколько получил Винтер?

— Он получил орден Ленина.

— А деньги?

— Он член партии и от гонорара отказался.

Киловатт-час стоил раньше тридцать пять копеек, а сейчас стоит полкопейки. Расходы на строительство плотины и турбин покроются, таким образом, в течение семи лет. Проблемы, кто купит электроэнергию, здесь не существует. Помимо железорудных шахт на другом берегу, электрический ток получает и Днепропетровск, расположенный в семидесяти пяти километрах отсюда. В радиусе ста пятидесяти километров снабжаются током все предприятия, как промышленные, так и сельскохозяйственные.

Лекция кончилась: англичане нехотя закрывают блокноты с таким видом, будто их немного пристыдили.

Сейчас плотина сверкает под полуденным солнцем. На гребне толпы рабочих: на заводах пересменок. В кузовах грузовиков, к чему мы уже привыкли, молодые рабочие: девушки и парни.

Всюду много людей, подальше цвет-

ным дымом дымят заводы, бесконечное зеркало воды слепит глаза, грохочут шлюзы, нестерпимо блестят колонны трансформаторов, волнуется на ветру зелень деревьев — все как рисунок в школьной хрестоматии или как сцена из будущего.

В конце плотины у самой воды три четырехэтажных здания. Через трубы диаметром семь с половиной метров ежесекундно на турбины, расположенные в нижней части здания в застекленном помещении, обрушивается двести кубометров воды. Рабочих почти не видно, по огромному залу ходят два человека, машины режут и работают сами по себе. Над турбинами столь же просторно расположены генераторы диаметром в четырнадцать метров. Англичане с любопытством перечитывают первые пять табличек по-английски, на остальных надписи русские.

На самом высоком этаже здания зал управления. И снова утопическая картина: все четыре стены отделаны мрамором, всюду белые, красные, зеленые лампочки, переключающие устройства. Под ногами паркет, красная ковровая дорожка ведет к огромному красному дереву столу, на нем пять телефонов. В какой пьесе я уже видел это? За столом молодой мужчина, по обе стороны две девушки в спортивных тапочках. Это инженеры, говорит нам сопровождающий.

Звонит телефон, мужчина поднимает трубку, слушает:

— Семнадцатый, — говорит затем одной из девушек.

Девушка включает семнадцатый и молча возвращается на место, чтобы вновь погрузиться в вычисления. Они будто не замечают незнакомых людей, разглядывающих их, словно существ с другой планеты. Привыкли, экскурсии здесь каждый день.

Перед зданием, к чему мы уже тоже привыкли, толпа рабочих дожидается очереди, чтобы, как и мы, осмотреть здание изнутри. Рассматриваю группу. Посмеиваясь, рассматривают меня и они. Подходит босоногая девушка и, прижимая к груди фотоаппарат, снимает меня, уставшего, дурачки плящегося на них, словно я тоже инопланетянин.

В ресторане звучит музыка, пианино. Меня преследует навязчивая идея, ставшая уже, видно, машинальной, рассматриваю пианино, нащупываю глазами золотые буквы: «Музтрест». Производство советское.

После обеда бесцельно брожу по городу. Как живет народ у подножия своих гигантских творений? Живет обычно. Необычайно много детей, здесь, как и повсюду, с каждым ребенком мать, которая поминутно влюбленно целует свою кровиночку. Молчаливые мужчины, шумные молодые люди. Девушки-работницы, и вокруг них солдаты-ухажеры. На афишных колоннах плакаты, призывающие посмотреть всемирно известных воздушных гимнастов...

Перевел с венгерского
А. НАУМЕНКО

Невозможно ступать по белорусской земле без того, чтобы не помнить об истории этой республики или, если быть более точной, чтобы не чувствовать, что сами белорусы постоянно помнят о ней. Кажется, что и воздух, которым они дышат, проникнут духом истории. И какой истории! Бесконечной борьбы за само существование, борьбы за выживание. Признаться, я до сих пор удивляюсь, что жители этой республики все-таки выжили в таких страшных условиях! И не просто выжили: я увидела в них нечто гораздо большее, чем просто умиротворение приговоренных к казни и избежавших смерти.

Владимир Козел — мужчина крепкого телосложения, с очень прямой спиной и маленькими, ясными глазами на квадратном лице цвета выдержавшего все непогоды дерева. Он не выглядел старым, но, по его словам, родился еще в Гродненской губернии в 1907 году, а это значило, что ему за семьдесят. Мы сидели в безукоризненно чистой гостиной его деревянного дома в Вертелишках, и хозяин рассказывал.

Был он из крестьян. Жил в Западной Белоруссии. С началом первой мировой войны, спасаясь из района боевых действий, его семья бежала на восток, в Россию. Когда после революции вернулись они на родину, на месте своего дома нашли золу да почерневшую печь. Потом почти сразу же началась империалистическая интервенция: немцы, а затем поляки вторглись в Белоруссию, и снова земля подверглась опустошению. В 1921 году был подписан Рижский мирный договор Советской России с Польшей, по которому Западная Белоруссия — такая дорогая цена за мир — перешла к Польше. С этого времени и до 1939 года семья Козел, как и все местные жители, жила под панской властью. Польским офицерам в награду за борьбу с большевиками была подарена белорусская земля. Владимир Козел работал на одного из таких помещиков, его собственный клочок земли был слишком мал, чтобы прокормить семью. У Владимира было много друзей, которые участвовали в освободительном движении за воссоединение с Советской Белоруссией; многие из них были арестованы, приговорены к тюремному заключению, казнены. Когда в 1939 году западные области были воссоединены с Советской Белоруссией и приняты в состав СССР, Владимир участвовал в создании первого в районе колхоза. В него вошли пять деревень. Спустя восемнадцать месяцев вторглись нацисты.

— Сначала, летом, нацисты не обращали на нас внимания. Они не ждали от нас сопротивления. Они спешили в глубь страны, наша земля была для них лишь дорогой, которая вела в Москву. Поэтому мы смогли заняться урожаем и поделить его между собой. Но когда нацистов остановили, когда они поняли,

что все для них будет совсем непросто, когда они почувствовали сопротивление, — вот тогда все и началось.

Владимир Козел говорил, а я думала о Хатыни, деревне, которая когда-то была неподалеку от Минска, где теперь, на месте той бывшей деревни, каждые 30 секунд днем и ночью звонят 26 колоколов. В плане систематического уничтожения советских граждан Хатынь у нацистов числилась специальным параграфом под соответствующим кодовым названием.

Рано утром 22 марта 1943 года подразделение, специально подготовленное для уничтожения людей, нагрянуло в Хатынь. Всех жителей — мужчин, женщин, детей согнали в большой сарай, закрыли и заперли двери, сарай облили бензином и подожгли. Тех, кому удавалось вырваться из горящего ада, расстреливали на месте. Среди 149 жителей Хатыни было 75 детей; самым молодым среди заживо сожженных был шестинедельный младенец. Так было уничтожено 185 белорусских деревень. Колокола Хатыни звучат в память о них.

В 1944 году, после освобождения Гродненской области, Владимир Козел всю оставшуюся часть войны был солдатом Советской Армии. В 1950 году в деревнях стали образовываться колхозы. Год спустя пять деревень объединились, как это было в 1939 году, новое большое хозяйство получило название — колхоз «Прогресс»; Владимир Козел был избран заместителем председателя колхоза.

— Самым трудным было создать коллектив, — сказал он. — Люди боялись, вдруг будет хуже. Но когда некоторые из нас объединились и стали работать на коллективных полях, другие увидели, что так лучше, и тогда они тоже захотели вступить в наш колхоз.

Я ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ

Эмма СМИТ,
английская писательница

У моего собеседника шестеро детей. Самый младший еще учится в профессионально-техническом училище. Два других сына — шоферы. Одна из дочерей работает агрономом. До недавнего времени она жила вместе с отцом, а сейчас переехала в многоквартирный дом, построенный колхозом в центре Вертелишек. Как сказал Козел, жизнь в таком доме удобнее: ремонт, отопление — всем этим занимается колхоз.

Сейчас новые дома строят не из дерева, а из кирпича. Это теперь стало правилом, и, как считает Владимир Козел, так разумнее: ведь строят и на будущее, для детей и внуков.

— Мы должны всегда думать о будущих поколениях, — сказал он.

Я спросила, что он чувствует, когда сравнивает свое детство с жизнью сегодняшних ребят.

— Не может быть никакого сравнения, — ответил он. — В дни моей молодости целью крестьянского сущест-

ования было выжить. Этой науке учились всеми правдами и неправдами, изо дня в день. Выжить — это как у диких зверей. Но ведь мы люди. Для нас жизнь должна иметь смысл. Посмотрите на детей здесь, в Вертелишках. У них заботы другие, о том, чтобы выжить, они и не думают.

Во время полета из Гродно в Москву я пытаюсь понять, что же именно в белорусском характере так удивляет меня. Они смотрят на мир как бы с другой стороны, будто вылечившись от страшной раны, так подумала я сначала; шли дни, и я поняла, что это не совсем точно. Рана действительно была страшной, но белорусы чудесным образом избежали уродства от ее шрамов. Они смотрят на жизнь по-другому, в них есть что-то, что является неотъемлемой частью каждого и всех в общенациональном плане. И все-таки я не могла определить это «что-то», хотя

и чувствовала его присутствие при встрече с белорусами. Так что же это?

Снова и снова я вспоминаю мужчин и женщин, девочек и мальчиков, с которыми я встречалась в Вертелишках. Вспоминаю их лица, их голоса, то, что они говорили, то, что они делали. И я осознаю, что во всех ситуациях, будь то танцы и пение, сказки и шутка или застолье, в этих людях всегда присутствовали уверенность и спокойствие, не безжизненное безразличие покоя, а спокойствие человека, знающего крепость и силу своих корней. Сидя в самолете, летевшем из Гродно в Москву, я наконец начинаю понимать: эти люди знают самое важное и основное. Они знают значение такого чувства, как человечность. У них был самый страшный из всех возможных учителей — крайняя бесчеловечность. Но вместо того чтобы позволить возникшему из перенесенных страданий опыту столкновения со злом, физически уничто-

жившим четвертую часть населения республики, разрушить души оставшихся трех четвертей, эти люди каким-то образом — каким-то образом — превратили этот опыт в глубокое понимание самой жизни, понимание того, что жизнь бывает хорошей или ужасной благодаря отношению человека к человеку, в глубокую уверенность: сейчас и всегда учителем человечности для их детей должна быть сама человечность. Именно эту мудрость я увидела в спокойном ясном взгляде белорусов, взгляде, который может быть только у победивших, а не просто выживших в катастрофе.

Перевела с английского
С. ЗАКУТАЕВА

На снимке: весна 1944 года. Крестьяне принесли хлеб в лагерь белорусских партизан.

Мы прилетели в Южно-Сахалинск. Недавно прошел снег, но все улицы убраны. В парках и садах над маленькими декоративными деревцами поставлены рейки — защита от снега. Кусты роз везде старательно укутаны бумагой или сеном. И в Забайкалье, и в Приморском крае, и теперь здесь я заметил, как жители этих мест боготворят цветы. Они выращивают их у себя дома, устраивают выставки. На рынки доставляют цветы за тысячи километров и всегда сразу раскупают. Мне кажется, что мы, болгары, не относимся с таким благоговением к цветам. Может быть, потому, что у нас их изобилие.

Следующим местом, которое я собирался посетить, был городок Поронайск, расположенный на берегу залива Охотского моря. Я ехал один поездом, это всегда дает возможность общаться с людьми. Как только поезд тронулся, перед моим купе остановилась девушка с маленьким чемоданчиком.

— Может быть, здесь есть свободное место?

Девушка смотрела на меня с сияющей улыбкой, будто старая знакомая. Я вскочил, взял чемоданчик и указал на место, но девушка меня остановила:

— Извините за навязчивость, но я не могла удержаться. Видела вас по местному телевидению, не предполагала, что болгарин может оказаться на Сахалине, по крайней мере, до сих пор я об этом не слышала. Я была в Болгарии.

И, не присаживаясь, она начала рассказывать о своем отдыхе на Солнечном берегу. Девушка еще не закончила свой рассказ, а в купе уже вошел солидный мужчина средних лет.

— Разрешите вас побеспокоить. Я был в Варне.

Через полчаса купе оказалось тесным от обилия друзей нашей страны. Люди стояли даже в коридоре.

Один здоровяк пробрался ко мне и обнял за плечи. Он начальник большого строительства в одном из здешних районов, очень просит, даже не просит, а настаивает, чтобы я посетил его город.

— По телевизору сказали, что вы страстный охотник, а самая лучшая охота в нашем районе, сейчас как раз сезон, будете охотиться сколько душе угодно.

В северных и северо-восточных областях Советского Союза проживают такие малочисленные народности, как коми, пермяки, ненцы, долгане, ханты, манси, коряки, нивхи и многие другие. Мне сказали, что недалеко от города Оха, в селе Некрасовка, есть нивхский рыболовецкий колхоз, и я попросил, чтобы меня проводили туда. Я увидел село с деревянными домами, как принято на Севере, построенными из лиственницы. Эти дома были предложены кочующим ранее по рекам и

озерам нивхским рыбакам, они охотно покинули свои палатки и кожаные шалаши и поселились в домах. Проектировщики и не предполагали, что привычные к кочевой жизни рыбаки так быстро предпочтут осесть на одном месте.

Я заходил в некоторые дома. Внутри чисто, тепло, есть газовые и электрические плиты, стиральные машины, радио, телевизоры, холодильники, даже телефоны. В селе интернат для учащихся с первого по десятый класс.

Я был наслышан о знаменитом нивхе Пайтане Герасимовиче Чайке и попросил отвести меня к нему. Его не было дома, жена сказала, что он на лыжах отправился на озера. Один из моих сопровождающих был знаком с его женой и стал расспрашивать о детях. Сын заканчивает мореходное училище, дочь учится в педагогическом институте, а самому младшему, любимцу Пайтана Герасимовича, пять лет.

Я настаивал, чтобы мы пошли за ним к озерам. Мои друзья недоуменно переглянулись: искать Пайтана Герасимовича в лесотундре — все равно что искать иголку в стог сена. Но

командир вертолета согласился и без лишних разговоров дал команду садиться.

Пайтана Герасимовича мы нашли на берегу озера.

— Пайтан Герасимович, — начал наш командир вертолета, — беспокойный ты человек, и чего тебе не сидится дома в тепле, что ты делаешь в этой снежной пустыне?

Пайтан Герасимович объяснил: ему захотелось посмотреть озера. Уже год он не может разобраться с какими-то специалистами. Он предложил разводиться в озерах сазана, рыба вкусная, быстро растет и некапризная. Специалисты согласились, но не послушались его до конца. А в этих местах водится корюшка, и она съела икру. Нужно пустить в озера мальков сазана, тогда он быстро расплодится.

— Ты же депутат, — сказал наш командир вертолета, — Герой Социалистического Труда, уважаемый и авторитетный человек, с твоим мнением все будут считаться.

— Сейчас они согласились, но почему с самого начала не послушали? Один из друзей шепнул мне:

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ВБЛИЗИ

Борис КРУМОВ,
болгарский писатель

— Он прав. Когда нивх говорит о рыбе, с его мнением должны считаться даже профессора.

Магадан напоминает девушку, которая снисходительно оглядывается на свое детство и предпочитает думать о завтрашней молодости. Наверное, в мире мало таких городов, молодость которых пленяет с первого взгляда: совсем новые дома и повсюду молодежь. Когда-то американская газета «Нью-Йорк таймс» посвятила этому городу целую страницу под заголовком «Русские строят мертвый город. Магадан ожидает участь Даусона». Даусон — это канадский городок на границе с Аляской, разросшийся в начале века во времена «золотой лихорадки». Впоследствии оказалось, что золотые прииски около города не оправдали себя, и он быстро зачах.

По дороге в гостиницу наш шофер с любезностью экскурсовода объясняет:

— Мы находимся на самой длинной улице в мире.

Его тон и выражение лица слишком серьезны, чтобы можно было принять его слова за шутку или бесцеремонное хвастовство. Он действительно прав: центральная улица города является началом Колымской автомобильной трассы, которая проходит через всю область с юга на север.

Позже, рассматривая карту этого района, я увидел, что «с юга на север» — значит от Тихого до Ледовитого океана, а километраж обозначен четырехзначными числами. Трасса минует три географические зоны — тайгу, лесотундру и тундру.

Как в каждом советском городе, в Магадане есть Дворец культуры — большое красивое здание, всегда пол-

ное народу. В одном из его салонов устроен ботанический сад, где два раза в год ревностные любители цветов устраивают цветочные выставки. В миниатюрном саду цветут лимоны и зеленеют пальмы, благоухают распустившиеся цветы, поют птицы южных широт. И это в холодном, заснеженном Магадане.

Канчалан — село на берегу маленькой речки, домики одноэтажные, деревянные, земля на участках разрылена, и заботливые хозяева уже посадили овощи. В совхозе тринадцать бригад, в каждой около 32 тысяч оленей.

Мы летим в бригаду одного из самых популярных людей на Чукотке, Героя Социалистического Труда Ивана Петровича Аренто. Вертолет делает круг над тремя ярангами и приземляется метрах в пятидесяти от них. Нас встречает Аренто, он одет в брюки,

пиджак и плащ. Его окружают мужчины и женщины в национальной одежде.

Мы здороваемся со всеми по очереди, и Аренто показывает нам свое хозяйство — три яранги, около них аккуратно сложены сухие дрова, привезенные, как здесь говорят, с «материка». Посаженные на цепь, рычаг и лают около дюжины ездовых собак.

В яранге Аренто между очагом и входом разложена скатерть. На ней расставлены хрустальные рюмки, с двух сторон этот «стол» окружен оленьими шкурами.

Я спрашиваю у Аренто, как сочетаются современные хрустальные рюмки со старой ярангой.

— Удобные вещи, почему бы нам их не покупать? Не думаете ли вы, что мы продолжаем жить в ярангах только из любви к старине или чтобы показывать их гостям? Мы живем в них потому, что еще не изобрели более подходящее легкое жилище для тундры. Когда мы отправляемся в Анадырь, женщины дают нам сто поручений, что мы должны привезти из магазинов. Денег у нас много, и иной раз просто голову ломаем, что купить. Один из пастухов нашей бригады попросил меня недавно в Анадыре пойти с ним в универмаг. Жена сказала, чтобы он не возвращался без набора хрустальных рюмок и трех чайных фаянсовых сервизов. Еще велела ему купить два зонтика — от солнца и от дождя. Что было делать, я пошел с ним в магазин. Между делом он купил не два, а четыре зонтика.

Аренто вырос в тундре, всю жизнь занимается оленеводством, пастухи его любят, он также ими доволен. Ему не нравится, что в последнее время его часто посещают журналисты и фоторепортеры и постоянно расспрашивают о секрете его успехов.

— А какие тут могут быть секреты: человек должен чаще прислушиваться к советам старших, отцов и дедов, любить свою работу. Разве это трудно? Это всем известно, — говорит Аренто. — Мне легче работать, чем объяснять, как я организую работу и руководжу бригадой. Несколько лет тому назад проходило окружное совещание оленеводов. Меня предупредили, чтобы я подготовил речь, я должен был рассказать о своем опыте. «Хорошо, — говорю, — но вы услышите всем известные истины». Я поднялся на трибуну и начал: «Успех ждет того, кто будет воспитывать оленят как детей». Слышу, все шумят, кто-то даже пробормотал: «Известная песня». — «Ничего, — говорю, — песня-то известная, но оленята должны расти выносливыми и закаленными».

Специалист-олeneвод совхоза Александр Гарков — общительный веселый человек. У него есть сын, который в этом году будет поступать в художественное училище, второй его сын, Родион, учится в институте в Новосибирске, третий, Герасим, в десятом классе, дочь Лариса этим летом заканчивает медицинский институт в Хаба-

ровске и скоро приедет на каникулы. Слова Александра позже повторяли и другие чукчи и эскимосы — один сын в таком-то институте, другой заканчивает то-то, третий... четвертый... Всегда есть третий и четвертый.

Три четверти выпускников педагогического института в Анадыре — чукчи, эскимосы, эвенки, юкагиры, чуванцы. Основной преподавательский состав для чукотских школ готовится из местных народностей в Ленинградском педагогическом институте.

Когда мы посещали различные предприятия в поселке Провидения и знакомились с людьми, нас сопровождала Галина Тигрет. По национальности она чукчанка, выросла в семье оленеводов и охотников, закончила Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, некоторое время работала учительницей. Теперь она один из руководителей района. Она познакомилась с несколькими женщинами. Среди них были чуванки, юкагирики, эвенки, корячки. Все говорили на хорошем русском языке, с первого взгляда можно было понять, что их связывают теплые приятельские отношения. В Чукотском автономном округе живут и работают представители многих народностей, и на каждом шагу замечаешь, что их дружба — это не газетный лозунг, а повседневная жизнь людей.

Перед тем как посетить цех местной обувной фабрики, Галина сказала, что познакомит нас там с одной эскимоской — Людмилой Гоимисиной, опытной работницей и, между прочим, красивой женщиной. Нам не удалось ее найти. Три дня назад она уехала на курорт в Сочи.

— Ничего, — сказала Галина, — я вас познакомлю с другой эскимоской, она тоже интересная женщина, замужем за русским, ее зовут Нина Александровна. И ее мы не смогли увидеть. Уехала на курорт в Кисловодск.

— Но ведь эскимосы и чукчи тяжело переносят южный климат?

— Привыкают, да еще как! Особенно молодые.

У Тигрет есть ребенок, а кроме того, она усыновила двоих детей. Чукчи часто употребляют несколько иное выражение — «взял воспитывать детей». Галина объясняет, что усыновление — частый случай, северные народы очень любят детей.

Обычно женщины не всегда могут выйти за пределы кухни и домашнего очага. У чукчей наблюдается обратное явление: женщины на производстве, женщины в партийных комитетах и в Советах. Без объяснений понятно, что основная предпосылка этого — социалистическая действительность, которая дает возможность женщине всесторонне развиваться.

Еще до знакомства с Галиной Тигрет я встречался с Линой Григорьевной Тынель. Тынель тоже родилась в семье оленеводов, закончила Ленинградский пединститут, работала мето-

дистом в школах и редактором в издательстве, десять лет была председателем Чукотского окружного Совета народных депутатов, избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Часто женщины, которые долгое время находятся на руководящей работе, теряют привлекательность. Если человек встретит на улице Тынель или Валю Баум, с которой я познакомился в следующем районе, и не знает, кто они, он никогда не подумает, что перед ним руководящие работники, хотя в отличие от других женщин они могут посвятить себе очень мало времени, потому что им часто приходится садиться на вездеход и ездить по предприятиям и совхозам, на рудники и стойбища, присутствовать на заседаниях и собраниях, где иногда они должны спорить, притом спорить с мужчинами, из уст которых не всегда можно услышать только любезности.

В Сирениках есть оленеводческий совхоз, ферма, где выращивают песцов, и бригады охотников на морских животных. В клубе этого поселка мне предложили выйти на трибуну: сюда впервые приехал иностранец, почему бы не послушать его. Сколько раз я убеждался, как непосредственны и естественны подобные встречи с советскими людьми. Еще раз я убедился в этом и здесь, в самом отдаленном районе Советского Союза. Собравшиеся в зале люди расспрашивали о том, что действительно их интересует. Между делом спросили, какое у меня раньше было представление о Чукотке.

Откровенные вопросы требуют откровенных ответов. Я признался, что ожидал увидеть отсталый край, но мои представления сами оказались отсталыми. Рассказал, что в их деревне, кроме руководства совхоза, я познакомился с учительницей, которая преподает в школе эскимосский язык. Несколько голосов подсказали мне: «С Верой Александровной». Вера Александровна, продолжал я, пригласила нас к себе домой на чай, так как мы замерзли в пути, и пока мы были у нее, успели посмотреть по телевизору московскую программу. Я и не думал, что здесь, на краю света, они смотрят передачи из Москвы, а потом по дороге в клуб Вера Александровна показала нам строительство одного большого здания...

Снова несколько голосов прервали меня и объяснили, что это больница, там будет три врача и двенадцать коек, что она должна быть готова к началу зимы, но они сомневаются в этом, и если их сомнения оправдаются, плохо будет и строителям, и председателю Совета.

Богатство Чукотки не в золоте, богатство этой холодной земли — ее люди и прежде всего женщины, их теплота, сердечность и их неисчерпаемая энергия.

Перевела с болгарского
Т. ПРОКОФЬЕВА

К сожалению, у нас, в Канаде, да и в США, очень немногие знают о том, что в Сибири строится величайшая железнодорожная магистраль, хотя такое событие достойно самого широкого освещения.

Еще до путешествия на автомотрисе, в которую мы сели на мосту через Лену, я уже слышал немало рассказов о первых днях строительства БАМа, когда первая группа рабочих выехала из Якурима для прокладки зимней дороги в Таюру. Среди первопроходцев было 14 мужчин и две женщины. Мужчины валили деревья, следом бульдозер корчевал и сгребал в кучу пни, девушки работали на кухне, которую бульдозер перетаскивал вслед за строителями. Широкая просека шла высоко над рекой. Работали по колено в снегу, земля была твердой как камень. Особенно тяжело приходилось, когда забивали сваи для деревянных мостов. Но все же за ме-

Гарольд ГРИФФИН,
канадский писатель

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

сяц они прорубили просеку к реке Таюра и вбили первый столб на месте будущего поселка, который назвали Звездным в честь Центра подготовки космонавтов под Москвой.

Когда строители достигли Таюры, первым их встретил охотник на белку. Услышав рокот бульдозера и треск падающих деревьев, он вышел на шум. Рабочие удивились встрече больше самого охотника, а тот предложил им располагаться в его хижине как дома. Охотники — народ гостеприимный, они рады гостям, забредающим в их владения.

Через несколько дней после того, как первопроходцы достигли реки, по неровной дороге затряслись грузовики с материалами и оборудованием для строительства поселка.

Из Москвы вышел поезд с 600 молодыми добровольцами прямо с XVII съезда ВЛКСМ. У добровольцев была зеленая форма с эмблемой БАМа. Поезд, украшенный флажками и транспарантами, вышел в триумфальное путешествие по стране. Телевизионные камеры зафиксировали его путь, а фоторепортеры запечатлели тысячи людей, встречавших добровольцев цветами на каждой крупной станции по всему пути к месту строительства.

В Тайшете, где сходятся Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали, добровольцы разделились на две группы — одна поехала на юго-восток по Транссибирской железной дороге прокладывать линию, которая свяжет Транссибирскую магистраль с Тындой, стоящей на Байкало-Амурской железной дороге; другая группа отправилась в Усть-Кут и далее в Звездный на строительство основной магистрали. Железнодорожники Тайшета подарили каждой группе по половинке символического ключа, их соединят, когда группы соединятся и на стыковке путей БАМа будет вбит последний «серебряный» костыль.

Когда поезд достиг Усть-Кута, наступила оттепель и дорога стала непроходимой. Пришлось доставлять строителей в Звездный вертолетами.

— Иногда казалось, что небо усыпано вертолетами всех размеров и типов, — сказала корреспондент газеты «Ленский коммунист», когда мы уехали в автомотрису, напоминавшую трамвай. Мы ехали в Нию.

Нина — коренная сибирячка, родилась близ Красноярска. Она работала с добровольцами в Звездном.

— Я окончила Иркутский университет и хотела написать диссертацию по БАМу, — рассказывала Нина. — Чтобы собрать материал из первых рук, я получила разрешение поработать четыре месяца на БАМе и в 1975 году поехала в Звездный. Тогда на месте поселка стоял палаточный городок, а все снабжение шло по воздуху, вертолетами.

В городке было около тысячи моло-

дых людей всех национальностей с разных концов страны. Они проложили прямой путь от Лены к Звездному и вместе с железнодорожными рабочими размечали полотно, строили мосты и укладывали пути.

Я вместе с другими прокладывала трубы для горячей воды в поселке. Иногда температура падала до минус пятидесяти. Мы жили в палатках и делали печки из пустых бочек из-под горючего, спали в одежде, но все равно мерзли. Однажды я проснулась утром, а волосы примерзли к стенке палатки. Интересно, что никто не болел, не простуживался. У нас не было ни замков, ни запоров. Я понимаю, что мои слова покажутся избитыми, но мы действительно жили единой многонациональной семьей. Со всех концов страны нам присылали все самое лучшее, мы ни в чем не нуждались — у нас было прекрасное питание и одежда. При такой всенародной поддержке мы не боялись никаких трудностей и невзгод.

Я попросил Нину рассказать об охоте и рыбной ловле в этих краях.

— Местное население всегда занималось охотой и рыболовством, — ответила она. — Это стало образом жизни. Даже если люди и не зависят от промыслов, они все равно не расстаются с ружьем и рыболовными снастями. Теперь, когда в поселках, расположенных вдоль железной дороги, постоянно растет население, я думаю, надо особенно заботиться о здешних лесах и водах. Не случайно одним из первых в Звездный приехал инспектор по охране диких зверей и птиц, которого прислали для пропаганды мер, необходимых для охраны природы.

Первый поезд пришел в Звездный на лыжах. Рассказ об этом был одной из многих историй, услышанных мною в Усть-Куте. Для снабжения поселка энергией было решено заменить движки электростанцией на колесах. Но чтобы доставить энергопоезд в Звездный, предстояло решить немало проблем.

Осенью, незадолго до того, как стала река и уже пошел мелкий лед, 68-тонный энергопоезд был погружен на баржу и переправлен на берег рядом с зимней дорогой. Лена замерзла, по зимнику пошли грузовики, и главный механик строительного поезда № 266 в Усть-Куте предложил свой способ доставки энергопоезда в Звездный.

Идея была смелой — поставить передние колеса поезда на лыжи, использовать задние колеса как тормоза и везти поезд на тросах, прикрепленных к бульдозерам. Не все специалисты согласились с этим предложением. Оно было слишком рискованным, даже опасным. Поезд мог опрокинуться и раздавить бульдозер или же сорваться вниз со склона холма. Но главный механик сам поехал впереди поезда, его бульдозеристы также не сомневались в успехе.

на страницу 21 ►

ХАШАР- ЗНАЧИТ ВМЕСТЕ

ЭЛТОН ФЭКС,
американский писатель

Я много думаю над тем, что я увидел и услышал во время моей поездки в Советскую Среднюю Азию. Для большинства жителей Америки совсем не просто по достоинству оценить то, что происходит в Советском Союзе. Многим путешествующим по СССР американцам будет не хватать тех маленьких удобств, к которым мы привыкли, но которые вовсе не являются необходимыми. Но мы стремимся к ним и жалуемся, когда не находим их за границей, хотя не всегда можем себе позволить их дома.

Несколько примеров. Хлеб был, подозреваю, более питательным, чем в Америке. Вместо маргарина подавали масло — это мне понравилось. Более того, я просто отказывался есть слишком много питательных пирожных, мороженого, мясных блюд с большим количеством жира. Я предпочитал свежие фрукты, которые оказались не только

На снимках (вверху и внизу): 1939 год. Строительство Ферганского канала.

более вкусными, но и более легкоусваиваемыми. В то же время я должен сказать, что привычные, упакованные в целлофан американские продукты, которые я не смог найти в СССР, представляли для меня гораздо меньшую ценность, чем первоклассное зубо-врачебное обслуживание и терапевтическое лечение, которое я получал бесплатно.

Реакция человека на то, что он видит, зависит от самого человека, от его жизненного опыта, чувств, понимания и ожиданий. Если вы заинтересованы только в приобретении собственности и обеспечиваемой ею власти, то увиденное мною в Советской Средней Азии не представит для вас особого интереса. Если вы верите, что мощь нации измеряется только предметами комфорта, которые предлагаются для продажи, то вам здесь не понравится. Если вы преклоняетесь перед теми немногими, кто обладает огромным состоянием, в то время как остальные довольствуются жалкими крохами, то вы немного найдете, что могло бы привести вас в восхищение в социалистическом образе жизни советских Среднеазиатских республик.

С другой стороны, если вы можете заглянуть дальше, чем нехватка предметов чистой роскоши и баснословных доходов, то вы увидите и другие достойные вашего внимания вещи. Вы заметите, например, что право на бесплатное медицинское обслуживание и образование предоставляется здесь всем гражданам на протяжении всей их жизни. Здесь вы практически не найдете людей, обреченных на нужду только потому, что они бедны, стары или принадлежат к «низшей» расе. Вы наверняка не увидите здесь ни одного наркомана в состоянии оцепенения. Если вы идете по улице, будь то днем или ночью, вряд ли вы подвергнетесь насилию или у вас отберут кошелек.

Я был поражен, когда узнал, что в Советском Союзе не запрещены религиозные верования, в чем меня так убеждали средства массовой информации в США. Всем гражданам СССР предоставляется свобода как религиозных верований, так и антирелигиозной пропаганды. В то же время по всей территории Советского Союза церковь отделена от государства и образования.

Ну а что можно сказать по поводу рас и различий в цвете кожи? Американские критики советского образа жизни часто утверждают, что расизм не умер в Советском Союзе, и они указывают на народы Советской Средней Азии, где якобы существуют примеры расистской практики.

То, что я увидел, не является утопическим раем, но в то же время совсем не напоминает то жестокое, одержимое ненавистью общество, которое столь знакомо многим народам мира. Я не видел, но, возможно, бывают слу-

чай негативного отношения одной группы людей к другой, поскольку известно, что корни дискриминации отмирают медленно. Я увидел, однако, что уже нет тех перегородок, которые разделяли европейцев и азиатов в их общении. Исчезли взгляды исподлобья, взгляды ненависти и страха, которые свойственны обществу, где царит национальное угнетение. Пропали толпы больных и нищих попрошайек. Нет здесь больше и существовавших до революции маленьких предприятий, где тяжким трудом в отвратительных условиях рабочие добывали скудные свои гроши. Исчезла и длинная паранджа из конского волоса, веками унижавшая женщин Средней Азии.

Вместо всего этого я увидел чистые улицы, ухоженные города, населенные народами с цветом кожи всех оттенков. Я увидел женщин и мужчин азиатского, европейского и смешанного происхождения, они вместе работают на современных предприятиях и в учреждениях. Их дети также вместе учатся в школах. Я встречался с азиатами, занимающими ответственные посты, у меня нет оснований утверждать, что лицам азиатского происхождения закрыт доступ к такого рода должностям.

Принципы социализма не уничтожили автоматически такие человеческие качества, как алчность, эгоизм и агрессивность. Возможно, что расистские предрассудки сохранились среди отдельных граждан. Но я был свидетелем происходящих в этом обществе процессов, которые не позволят долго существовать таким предрассудкам.

Прежде всего следует отметить руководящую роль учения В. И. Ленина — творца Октябрьской революции и основателя социалистического государства, в жизни советского общества. Один из ленинских декретов гласил, что советские люди должны быть не только грамотными, но и людьми, которые уважают, изучают и сохраняют национальную культуру друг друга. В СССР повсюду можно встретить свидетельства действительности этой ленинской политики. В Советском Союзе есть законы, запрещающие дискриминацию людей по признаку пола и расовой принадлежности, и эти законы соблюдаются. Нарушители же законов есть везде, и Советский Союз в этом отношении не является исключением. Но здесь мало найдется желающих предстать перед судом по обвинению в расизме. Это замечание особенно уместно, если учесть, что нарушителю закона пришлось бы предстать перед своими согражданами и соплеменниками, выступающими в качестве обвинителей.

У меня сложилась уверенность, что народы Средней Азии ни за что не допустят, чтобы вернулись те страдания и унижения, которым они подвергались в прошлом. В этих людях, избавившихся от феодалов-ханов и сбросивших ярмо царского колониализма, преодолевших послереволюционный

террор, меня особенно поразила их решимость быть свободными. Во время войны с гитлеровскими захватчиками именно в Среднюю Азию эвакуировали заводы, фабрики и дорогостоящее сельскохозяйственное оборудование. Территория Среднеазиатских республик служила также безопасным убежищем как для раненых солдат, так и для незащищенных женщин и детей из европейской части СССР. Мужчины и даже женщины Советской Средней Азии бок о бок с русскими, украинцами и другими народностями СССР сражались на фронте против фашизма.

Мы, люди, всегда боимся непонятного. По этой причине те, кто никогда не видел или не мог понять преимущества конструктивного применения коллективных усилий, упрямо продолжают утверждать, что крепкий индивидуализм лучше. Но если небольшая группа неорганизованных индивидуалистов осмелится вдруг воспротивиться объединенной эксплуатации работодателей, этой группе быстренько напомнят, что они все свободны и могут идти на все четыре стороны, а работать они больше не будут.

Мне кажется, что более мощная внутренняя сила существует там, где имеет место согласованное и сбалансированное применение коллективных усилий. Именно эту мощь внутренней силы я почувствовал в людях Советской Средней Азии, различные народы которой в прошлом вели ожесточенные войны друг с другом.

И вот еще что. Коллективные усилия, как я их наблюдал, отнюдь не низводили кого бы то ни было к скучному и неинтересному существованию. Я видел людей, чье мастерство и труд позволяли им зарабатывать больше и, следовательно, покупать больше товаров. Я нигде, однако, не видел монополий, которые становились бы мощнее и богаче за счет труда других. Зато я видел, как объединенные усилия и ресурсы использовались на благо всех людей.

Совершенство — это мифическое состояние, к которому человек постоянно и тщетно стремится. Я его не достиг. Не видел я его и у других. Я и не надеялся найти его где бы то ни было в этом мире. Со всей откровенностью я могу сказать, что принимавшие меня в Советском Союзе люди ни разу не пытались убедить меня в том, что у них это совершенство достигнуто. То, чего они достигли, то, что они делают и уже сделали за столь поразительно короткое время, убеждает меня в том, что многое они делают правильно. И у меня есть серьезные основания считать, что их успехи во многом объясняются их политикой, направленной на объединение усилий. Я мог убедиться в этом во время моих поездок. У народов Средней Азии есть специальное слово, обозначающее объединенные усилия, совместные действия. Это слово — «хашар!».

Перевела с английского
Г. АЗАНЧЕВА

Сначала энергопоезд надо было сдвинуть с песчаного берега и поставить на приготовленные лыжи. Затем его предстояло подтащить к снежной дороге. После этого смельчаков ждал изнурительный путь по холмам, когда надо было неустанно следить, чтобы поезд не скатился вниз и не завалился набок. Через несколько дней пути показался Звездный, оставался только спуск к поселку. Дважды на этом спуске поезд начинал ускоренно скользить, и каждый раз бульдозеристы предотвращали его падение. Поезд доставили в целости и сохранности, и Звездный получил собственную электростанцию.

Наша поездка в Звездный оказалась приятным путешествием. Палаточный городок ушел в прошлое, его заменили многоквартирные дома, большинство из них были уже заселены, некоторые только строились. Кроме узкой полосы вдоль берега Таюры, вокруг мало ровных участков, сам поселок вырос на склоне холма.

Над каждым поселком, построенным на БАМе, шефствует одна из советских республик или областей. Так, над Звездным взяла шефство Армения, над Нией — поселком и станцией — шефствует Грузия. Далее на восток над Магистральным, основанным комсомольцами-добровольцами в 1974 году, шефствует Ростовская область.

На станции в Ние нас встретил Анзор Двалишвили, руководитель строительства. Он протянул руку, поздоровался, в другую взял чемодан и принялся складывать наш багаж в «газик». В машине нельзя было шевельнуться от тесноты, и я не смог что-либо рассмотреть из окна, в конце концов мы остановились возле одного из домов, он оказался двухквартирным; трехкомнатная квартира, с одной стороны, служила гостиницей, точно такую занимала и семья Анзора.

— Располагайтесь как дома, — сказал он после того, как мы вытащили наши чемоданы и перенесли их в дом. — Здесь все есть — ванная, холодильник, плита, если что нужно, не стесняйтесь, спрашивайте.

Поселок строят грузинские рабочие, которые, насколько это возможно в непривычных природных условиях, столь непохожих на их собственные, воспроизвели здесь маленькую частицу своей республики, перенесли свои обычаи, культуру, кухню, традиционное гостеприимство.

В тот вечер за ужином в маленькой столовой, использовавшейся для гостей, нас угостили грузинскими блюдами, грузинским вином, даже грузинскими сигаретами.

После ужина Анзор снова появился в дверях:

— Давайте сходим, посмотрим, как живет молодежь, — сказал он.

Молодежью оказались не две собственные дочери Анзора, а учащиеся средней школы. Несколько молодых людей организовали здесь свой собственный эстрадный ансамбль. Естественно, многие песни исполнялись на грузинский манер, они включили в программу и выступление маленького танцора в национальном костюме, исполнившего грузинский танец. В следующий раз нас пригласили на показ грузинских фильмов, который проходил в здании, чей непритязательный внешний вид резко контрастировал с артистичной законченностью внутреннего убранства.

Почетное место в фойе занимали фотографии выдающихся представителей грузинского народа и газетные вырезки, рассказывающие об их делах и подвигах. На стенах зала были развешаны снимки расчищенных для строительства участков, первых сборных домиков, которые транспортировались по воздуху вертолетами, рядом красовались фотографии новостроек в Тбилиси и Пицунде, в сооружении которых участвовал Анзор.

— Я не специалист в области строительства железных дорог, но мы здесь строили поселок, а не магистраль, а я ведь строитель, — объяснил Анзор. — Когда Совет Министров республики решил, что Грузия возьмет шефство над этим будущим поселком и меня порекомендовали в качестве руководителя строительства, я не знал, что нас здесь ожидает. Мне приходилось работать в Грузии, я устанавливал холодильные установки в Тегеране, но это было совсем другое дело. Когда я приехал сюда, здесь ничего не было, кроме девственной тайги. И вот мы здесь, 350 семей из Грузии, приехавшие в Сибирь, чтобы построить новый поселок. Завтра я покажу вам, что мы успели сделать.

Утром Анзор подвел меня к большой пластиковой карте, прикрепленной к стене, и показал населенные пункты вдоль магистрали.

— Здесь не все есть, — сказал он. — Смотрите — вот Таюра, но на месте Звездного пока никаких знаков и надписей. — Затем характерным для него широким жестом Анзор снял карту со стены, сложил и протянул мне. — Возьмите, если она вам нужна.

Накинув на плечи куртку-парку, Анзор повел меня к своему «газику».

— Теперь, — заявил он, — посмотрим, что вы скажете о наших новых домах в поселке.

Увиденный вблизи новый поселок поразил воображение. Здесь, на широкой, слегка наклонной возвышенности, окруженной темной задумчивой тайгой, строители уже возвели ряд двухэтажных домов, стоявших на некотором расстоянии один за другим; эти дома располагались небольшими груп-

пами под углом друг к другу. Затем шли три высоких пятиэтажных жилых здания с плоской крышей и шестизэтажные дома с крутой покатою крышей. Затем сбоку длинный квартал общественных зданий. Вытянутое белое здание новой школы стояло в центре, так что никому из ребят не придется далеко добираться до нее в зимнее время. Различные фасады зданий из красного и серого кирпича украсили бы любой современный город. Для обычной железнодорожной станции, затерявшейся в тайге, ансамбль был просто грандиозный.

— Когда все поселки БАМа будут закончены и все промышленные комплексы вступят в строй, — заметил Анзор, — многим придется изменить свои представления о Сибири.

Владимир Чамахашвили, главный инженер строительного объекта, который начал работать в Сибири на строительстве Ангарского химического комбината, а затем приехал на БАМ, долго рассказывал мне о своих планах.

— Мы работаем не у себя дома, но заботимся о том же, о чем заботятся повсюду, — создавать что-то красивое. Местность здесь совсем иная, поэтому мы должны поставить здания так, чтобы они вписывались в здешнюю природу и чтобы через несколько лет люди думали об этих зданиях как о неотъемлемой части окружающего их мира, как будто они стояли здесь вечно.

Неважно, будут ли нынешние строители жить в этом поселке, или уедут обратно в Грузию, завершив свою работу, они хотят оставить после себя поселок, которым бы восхищались пассажиры поездов, идущих по БАМу.

Мы могли остаться еще в Ние или же направиться в Даван, он стоит на тысячеметровой отметке над уровнем моря, в два раза выше Нии. Однако нам позвонили из Усть-Кута и сообщили, что завтра утром, вероятно, снова начнут летать самолеты и, если мы хотим попасть на один из них, нужно вернуться пораньше. Автомотриса специально приехала для того, чтобы отвезти нас в Усть-Кут.

Мы вошли в автомотрису с утреннего морозца. Звезды исчезали, за пеленой облаков показался серый, влажный рассвет. Нас окружала темная непотревоженная тайга, только в нескольких километрах от Звездного вспыхнули в сумерках фары машины, мчащейся по скрытой лесом дороге.

Перевела с английского
Л. ОГУЛЬЧАНСКАЯ

Из книги «Советские рубежи будущего», которая готовится к печати в издательстве «Прогресс».

Соня Мириам Кури, самая трогательная поэтесса и мой добрый друг — а что еще, кроме родства, остается тем, кто позволил друг другу читать свои стихи! — сказала, что я пишу как Маяковский.

Это было давно. Несколько лет назад.

Я, двадцатилетний, как Маяковский в первом стихотворении, не обрадовался сравнению. Я не любил тогда сравнения поэта с поэтом. Есть более серьезные поводы для сравнений, считал я. Например, собственно жизнь.

Но и сердиться на задумчивую Соню я не стал. Ведь я ее не понял. Кто он, с кем меня роднит первая буква наших фамилий и ремесло, и что я знаю о нем, кроме того, что он поэт?

Кто Маяковский?

А Маяковский и есть «собственно жизнь».

И это выяснилось сразу. Едва нетерпеливая она — девушка с острой примесью чужой крови, так я считал для собственного удобства: пусть она будет мне совсем чужая — притащила мне несколько томиков, конечно красные обложки, и грохнула передо мной Маяковским...

Так хлопают дверью, срывая с петель. Так открываются окна: как камнем в окно — рассвет. Так — внезапно, внезапно! — являются любимые с книгами и без книг, но всегда со своей убийственной правотой, которую они готовы доказывать ежеминутно, от этого нет спасенья.

Она, торжествуя, ждала. Я открыл книгу и посмотрел на этого человека.

С явлением Маяковского в жизнь можно сравнивать многие явления жизни. Но это может понять поэт, к которому я себя отношу потому, что так живу.

Он бы понял. Он сам любил беседовать запросто, плюнув на невозможность встречи. Приказывал времени. И поэзии и себе. Такой это был поэт. Или такой человек, я не знал в точности.

Я раскрыл книгу и стал читать, удивляясь оглушительной доброте девушки Сони Мириам Кури, разгадавшей меня, а также и смелости переводчицы (а это к тому же была переводчица, то есть еще одна безумица, вроде Сони Мириам Кури), смелости, заключавшейся в том, что мне был запросто представлен революционный поэт Маяковский, а он был мне необходим: нас теперь стало двое!

Поэты приходят вовремя. Я это понял по Маяковскому.

— Кто ты? — спросили меня строчки его стихов.

Меня зовут Эриберто Монтано, и я — «горный кизил». Так переводится сочетание «Монтано — Корнехо», а это сочетание фамилий и сочетание двух молодых людей, однажды увидевших друг друга в Сан-Сальвадоре, чтобы через несколько лет я, третий сын

Эриберто МОНТАНО,
сальвадорский поэт

ВРЕМЯ ПОЭТА

плотника Монтано родом из Монтано, увидел самое дорогое в доме — книгу стихов.

Что это была за книга!

Самодельная толстая книга такой толщины, будто толще ей уже нельзя было стать. Как будто все стихи, однажды услышанные моей бабушкой из семьи Монтано, запомнившиеся ей и перепечатанные по ее просьбе кем-то грамотным и переплетенные по ее просьбе кем-то умелым, составляли наиболее полную антологию.

Стихи, наверное, вносились в книгу как торжественная запись о рождениях, как печальная запись о смертях, как светлое свидетельство жизни и любви, как смиренное свидетельство того, что жизнь невечна, но вечны оттиски с нее: дети и стихи на хрустящей старой бумаге, — имена остались неизвестны.

Книга потом попала к учительнице,

я дал, чтобы похвалиться. Книга никогда больше не вернулась домой, к рукам моей неграмотной бабушки, которая была, конечно, поэтом. Бабушка не имела ни земли, ни денег, а только детей, внуков и книгу стихов, я читал ее, пробираясь сквозь дебри неясной жизни. Книга пропала, такова судьба сокровищ...

Моя бабушка, слишком поздно узнавшая, что при разделе имущества какого-то очень дальнего родственника ей оказался завещан клочок земли (о, мы бы зажили!), заливалась слезами, слушая истории, заключенные в стихах.

Стихов социалистического поэта Маяковского в книге не было. Книга была не полна. Теперь я бы внес его стихи в бабушкину антологию как самый четкий оттиск времени, пахнущий краской и сигаретным дымом, кошмар-

ной усталостью под утро и самим утром, сметающим жалкий мусор бессонницы и сомнений.

Я готов начать новую книгу. Скреплять листы и переплести неумело. Девушка, чувствительная к слову, сказала, что я пишу как Маяковский. Тогда не нужно новой антологии мне. Мы проще соединим наши руки во времени революции.

Студентом университета в археологическом путешествии, предпринятом с целью доказать ценность прошлого, я увидел землю моей родины. Я испачкал руки этой прекрасной землей.

На снимках: дни советской литературы на Сахалине (справа вверху); встреча московских литераторов с молодежью Ташкента (внизу).

Я к этой земле припал, чтобы лучше ее увидеть и ощутить.

Землю социализма я впервые прочел.

Это было тоже очень близкое рассмотрение.

Я читал Ленина, Внимательно читал, чтобы понять, что такое социализм.

Я читал Маяковского, чтобы научиться видеть результат.

Когда-то меня выгнали из школы за участие в забастовке учащихся. Позже я потерял право продолжать учебу в университете: когда армия заняла университет, в костре, запаленном в университетском дворе солдатами, сгорели документы, по которым выходило, что я студент. Теперь я не мог заниматься историей.

Я приехал в Москву. Я пошел на площадь Маяковского.

Моему народу нужна поэзия. Стихи пишут в камерах. Стихи пишут в горах. Моим лучшим воспоминанием навсегда останется воспоминание о митинге в Сан-Сальвадоре, на котором я читал свои стихи. Тысячи людей слушали меня. Я читал то, что они знали и чувствовали лучше меня, наверное. Но они слушали меня. Свои первые стихи я прочел бабушке. Я влюбился и писал о любви. Я не напечатал ни одного моего стихотворения о любви... Маяковский сказал, что становился на горло собственной песне. Сначала я его не понял.

Революции нужны «винтовки лирики». Это мое сравнение, но оно также может принадлежать и Маяковскому.

Некоторые считают, что так называемая политическая поэзия умирает, едва отпадает необходимость в оружии для революции, и что тогда политические стихи лучше сдавать в музей. Они не видят, что революция бессмертна.

Я очень внимательно читал стихи современников Маяковского, например, французских поэтов начала века. Они писали больше всего о страхе или просто не знали, о чем писать. У Маяковского уже было представление о будущем. И это обнаруживает в нем социалистическую личность. Таков Горький. Но у Маяковского провидческое проявляется интенсивнее. Сильнее, чем у Блока, скажем, и у Есенина. (Блок — великий поэт, но я говорю о поэте, которого вызывает время. Мне это важно.) Маяковский во времени всегда один. Его не узнать, не услышать нельзя.

Я слышал голос Маяковского. Здесь, в Москве. Запомнил.

А памятник мне не понравился. Наверное, потому, что памятник...

Я сделаю небольшое отступление и вернусь к нему.

Знаю людей, которые присматриваются к реальной жизни в вашей стране, к социализму, как бы с лицом инспектора, выучившего инструкцию наизусть. У них «идеальные» представления о том, каким должен быть социализм, и они требуют идеального соответствия. Ошибка обязательна и обнаруживает недостаток образования, подготовки и, следовательно, культуры у человека, который приезжает в СССР проверить. Он начинает отказывать социализму в праве на проблемы. Я встречался, разговаривал с советскими людьми, я понял, что именно проблемы, стремление их решить и способы, какими они решаются, формируют социалистическую личность.

Проект личности, совершенствующей общество и себя, представил Владимир Маяковский в своем творчестве. Этот проект обращен в будущее, он основывается на душах и характерах людей, которые жили, боролись, — их видел Маяковский.

Как выполняется проект?

Для меня как историка, чья родина Сальвадор, СССР — учебная программа, которую я считаю обязательной для каждого человека, потому что социализм неизбежен в любой стране.

Для меня как простого человека наиболее ценное в вашей стране то, что я видел людей социализма. Я старательно к ним присматривался. Уверен, что мало увидел, не во всем разобрался, не все важное узнал. Но кое-что увидел. Главное понял.

Вот простой пример главного.

Эгоизм всегда признавался недостатком личности.

Эгоизм — качество, необходимое личности для того, чтобы личность выжила при капитализме. В вашей стране эгоистичная натура может помешать человеку «выбиться в люди». Это тот недостаток, который перестал считаться «личным недостатком». Это социально вредная черта. Эгоистичным быть стыдно. В газете обсуждается вопрос, что такое личный успех.

В любых условиях человек стремится к счастью. Человек всегда хотел быть счастливым так, как он себе это представляет.

Я вижу, что для того, чтобы человек был «просто счастлив», он должен прежде всего стать лучше сам. Это ново. Это рождено социализмом. Это необходимо воспитывать в каждом поколении, потому что трудность заключается в том, что наследование социальных качеств — большая и сложная проблема.

В капиталистическом обществе такой проблемы не существует.

Поэт Маяковский, поразительно связавший личное счастье своего героя и трудные победы республики труда, по сей день открывает читателям разных стран мир для них новый.

Я слушал его: у него громкий, хороший голос. Правильный голос. Его слушают. Не люблю, когда его стихи читают располневшие актеры.

Если бы Маяковский явился нам сейчас, то он, конечно, был бы другим, непохожим. Ведь главное в нем — он вызван временем. А время изменилось, время настало новое. Культура народа огромной страны стала очень высокая. Нужен поэт с голосом. Люди его ждут. Я читал современных поэтов, например, Вознесенского... Я не услышал Великого Голоса Поэта. Ну и что же. Рядом с Маяковским было много поэтов, многие не разделяли его взглядов на поэзию и роль поэта в обществе. Но он был.

Читаю, слушаю, жду.

В Москве я написал слова партизанского гимна, поэму любви:

Родина,
книги,
организация,
Земля,
кровь,
любовь —

Это наша судьба.

А еще я подумал однажды о том, что будет с моей дочерью? Я не могу ей устроить счастливого детства и не знаю, как часто я буду ее видеть, пока она будет расти. А ведь им, детям, придется строить и становиться поэтами. Дети революционеров как сама революция: они знают страдания, они — будущее.

Для девочки по имени Жасмин и для детей, которым, возможно, придется потерять родителей или не видеть их долго, я написал веселые стихи о луне, похожей на кошку. Кошка-луна прыгает, и улыбается, и топорщит усы, и гоняется за нарисованными на небе звездами... Надо бы собрать много рисунков наших детей и сопроводить их стихами, понятными лишь детям, потому что они поэты, и завернуть в яркую обложку. Книга должна быть толстая, она должна казаться бесконечной, ее можно будет дополнять рисунками и стихами. Надо бы поторопиться, чтобы книга была готова, пока не выросли дети революционеров, многое понимающие дети, многое видевшие дети, мало улыбающиеся дети.

Недаром Маяковский писал и детские стихи.

Записала Н. ЧУГУНОВА

Рудольф Вальтер ЛЕОНХАРДТ,
западногерманский журналист

Завершающим в ряду знакомств со старейшими и авторитетнейшими театрами Европы — парижской «Комеди Франсез», венским Бургтеатром, лондонским «Ковент-Гарденом» и миланской «Ла Скала» — стало для меня посещение Московского Большого театра. Насколько же велик Большой?

Классический балет в тех образцах, которые доводилось мне наблюдать прежде, казался мне не совсем удачным сплавом собственно балетного и оперного начал. Впервые увидев классический балет в интерпретации Большого театра, я убедился, что эти начала прекрасно могут уживаться, эле-

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

гантность же и отточенность движений в русском классическом балете воистину бесподобны. Будь я москвичом, я, вероятно, стал бы балетоманом.

В Милане самое дорогое место в оперном театре стоит 300 марок, в Гамбурге — 120, в Москве — 14. В Москве проблема цен на билеты решается, с моей точки зрения, наиболее последовательно и справедливо: если уж театр получает помощь от государства, то он должен быть доступен для всех граждан этого государства.

— Практикуете ли вы продажу абонементов? — спрашиваю я у директора Большого театра.

— Мы не раз обсуждали этот воп-

рос. Но ведь абонемент всего-навсего хитрость, к которой прибегают, чтобы обеспечить сбор. Наш же театр заполнен до отказа каждый вечер.

И вправду. Билеты в Большой достать крайне нелегко. Да так оно, пожалуй, и должно быть, коль скоро цена билетов не отпугивает и по средствам любому и каждому.

В то время как большинство оперных театров Западной Европы обзаводится малыми сценами для тех спектаклей, что не обеспечивают им полного сбора на основной сцене, Большой театр открыл филиал в Кремлевском Дворце съездов, вмещающем втрое больше зрителей, чем главное здание

театра, а именно — 6 тысяч. Но и во Дворец съездов, представляющий собой прекрасный образец современной функциональной архитектуры, достать билет отнюдь не просто. Перед всеми театральными кассами стоят длинные очереди.

А ведь в Москве есть еще и второй крупный музыкальный театр — Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко; кроме того, Музыкальный камерный театр и Театр оперетты, не говоря уже о драматических театрах, число которых достигает тридцати.

Большой театр действует более двухсот лет и наряду с Кремлем и собором Василия Блаженного является одним из символов Москвы. Здание Большого театра находится на площади имени Свердлова, в каких-нибудь десяти минутах ходьбы от Красной площади. Главный зал насчитывает 2150 мест и по своим размерам, равно как и по роскоши (красный бархат, красный шелк, щедрая позолота лож), не уступает залам лондонской и миланской опер.

Нынешняя постановка оперы Петра Чайковского «Евгений Онегин» идет в Большом театре уже свыше тридцати лет. Такая сценическая практика не совсем бесспорна, и в Советском Союзе, в Западной же Европе к ней относятся и вовсе отрицательно.

Когда я в своей редакции говорил о том, что хотел бы — как и в предыдущие разы, когда вел репортажи из Парижа, Вены, Лондона и Милана, — дать цветное фото со сценой из какой-либо современной постановки, то некоторые коллеги меня уверяли, будто это вряд ли осуществимо: в Москве-де постановки не обновляются по двадцать лет кряду. Однако это не совсем так. Например, виденная мною опера «Война и мир» — одна из двух премьер нынешнего театрального сезона. Кроме того, наново были поставлены в этом году два балета. Следует также отметить, что в репертуаре Большого театра представлено больше композиторов и хореографов двадцатого века, чем в каком бы то ни было оперном театре Запада.

Директора театра ничуть не смутил мой каверзный вопрос о том, почему опера «Евгений Онегин» вот уже тридцать лет на сцене Большого в одном и том же неизменном виде. Он вполне резонно заметил: «Старая постановка всем нам очень нравится. Да и не все советские граждане видели ее, а иные охотно посмотрели бы еще раз. Зачем же нам тратить деньги и время на новую постановку, которая, быть может, вовсе не окажется столь успешной, как старая?» Здесь стремятся соблюдать предельную верность оригиналу, придерживаясь в своей практике принципов, которые в свое время отстаивал Тосканини.

Днем рабочая жизнь Большого теат-

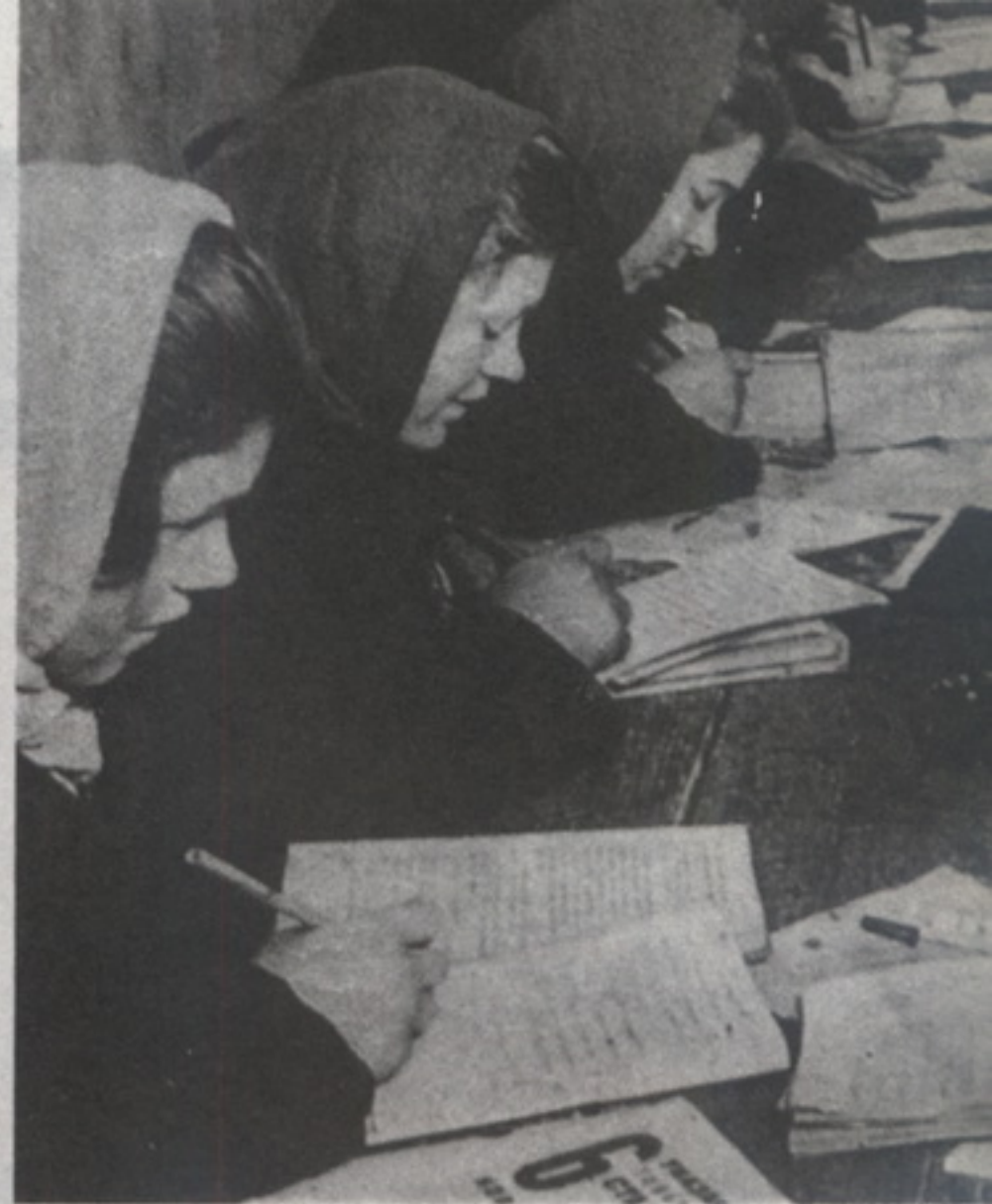
ра мало чем отличается от будней любого другого оперного театра. Так же снуют по коридорам одетые в джинсы и пуловеры звезды балета и оперы. На двух сценах идут пробы, в балетном зале — репетиции. Кто не занят, просто пьет кофе. Так же, как в Милане, Лондоне и Вене, в Москве на информационных стендах можно прочесть расписание репетиций и отзывы критики о выступлениях театра.

Вечером, однако, ясно осознаешь, что ты находишься именно в Большом, а не в «Ковент-Гардене» или в «Ла Скала». Правда, четко сформулировать, в чем же все-таки разница, нелегко. Все старые оперные театры мира похожи друг на друга как внутри, так и снаружи, как две капли воды. В барах и фойе Большого театра американский говор можно слышать так же часто, как, скажем, в Милане, а немецкую речь — в Лондоне. Чем же так отличается вечер, проведенный в Большом, от вечера, проведенного в «Ла Скала» или «Ковент-Гардене»? Для себя лично я нашел два ответа, оба и предлагаю вашему вниманию, ибо не знаю, какой из них более точен. Во-первых, Большой отличается тем, что я обозначил бы как «спектр» публики. Здесь на одном спектакле можно наблюдать не только туристов и закоренелых балетоманов, что обыкновенно и привычно для любого оперного театра; здесь в одном ряду сидят и узбек, приехавший в Москву по служебным делам, и коренной москвич-рабочий, и литовский комсомолец, и партийный работник из Грузии.

Здесь, в зале Большого театра, можно встретить представителей многих национальностей. Я чуть было не сказал «и классов», но их, как известно, в Советском Союзе уже нет. Перед вами проходит настоящий парад национальных одежд (кстати заметим, что многие москвички выделяются своей поистине парижской элегантностью). Здесь представлены разные профессии, разные образовательные уровни, разные жизненные условия, разные манеры поведения, разная культура речи, разные восприятия музыки и танца, разные ожидания.

Но всех этих людей объединяет одно, и в этом, пожалуй, состоит второе отличие Москвы от Лондона и Милана (впрочем, от Гамбурга и Вены тоже): для всех присутствующих этот вечер в Большом театре не просто некое развлечение в потоке жизни, для них этот вечер недвусмысленно и очевидно означает нечто выдающееся — праздник. Как это, быть может, ни парадоксально прозвучит, но нигде и никогда, кроме как в Большом театре, опера и балет еще не производили на меня такого впечатления. Впечатления праздника, ни с чем не сравнимого праздника.

Сокращенный перевод с немецкого
А. РЕПКО

Одним из великих достижений русской революции явилось создание литературы, музыки и театра, ставших доступными для народа, сделавшихся неотъемлемой частью каждодневного существования.

Необходимо было преодолеть огромные препятствия, претворяя в жизнь ранее провозглашенные лозунги: «Искусство принадлежит народу», «Жизнь без работы бесплодна», «Труд, лишенный радости, — варварство». Между тем многие забывают об этих трудностях.

Надо было строить социалистическую культуру, начиная с самых ее основ, так же как заводы, фабрики и электростанции. Почти все самое необходимое отсутствовало. Сто миллионов человек не знали грамоты, не умели даже написать собственное имя.

Джон Рид через несколько дней после революции стал свидетелем сцены у только вывешенного на стену плаката. Перед ним стояло несколько крестьян и солдат. Они возмущались, а по их щекам текли слезы. Рид услышал, как они говорили: «Ничего не понятно. Царь только и хотел, чтобы мы воевали, да платили налоги. Он нас без глаз оставил».

С тех пор прошло всего двадцать лет. Но за эти годы три основных славянских народа — белорусы, украинцы и русские — стали поголовно грамотными. В отношении ликвидации неграмотно-

Альберт Рис Вильямс (1883—1962) — выдающийся американский публицист, соратник Джона Рида, находился в России в качестве корреспондента социалистической прессы во время Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с исполняющимся в 1983 году 100-летием со дня рождения А. Р. Вильямса издательство «Прогресс» выпускает сборник его избранных произведений, в который включена публикуемая в этом номере речь на Втором конгрессе Лиги американских писателей, произнесенная в июне 1937 года.

не было известно в других частях света по одной-единственной причине — из-за отсутствия у них письменности. Некоторые из них занимали площади, равные Англии. Они знали только живую речь, не имея ни письменности, ни алфавита. Их традиции сохранились в устном виде. Теперь советские ученые, жившие среди этих народов, закрепили звуки в алфавите, создали буквари, словари и учебники. И подобная работа проводится во всем Советском Союзе непрерывно и со все большей настойчивостью.

Таким образом, самые отсталые народы получили средство, с помощью которого они могли запечатлеть свое историческое прошлое, выразить свои надежды и чаяния, внести свой вклад в общую сокровищницу человеческих познаний. В голой тундре, в степях, в таежных делях подобный процесс

повторяется. Немало творческих сил и энтузиазма вкладывают советские писатели в решение этой единственной, не имеющей себе равной задачи. И многие языки впервые станут литературными.

Поразительным, если не сказать более, является то обстоятельство, что народ научился читать, а революция вызвала потребность в чтении. Всего двадцать лет назад В. И. Ленин предлагал создавать иллюстрированные плакаты, рассказывающие о пользе и наслаждении, приносимых чтением, и расклеивать их на улицах городов и сел. Были созданы тысячи передвижных библиотек. Книги везли на санях в Арктику, на верблюдах — кочевникам и пастухам в степи, в вагонах и на грузовиках — крестьянам, убирающим урожай. Почти на каждом крупном предприятии или в клубе устраивались коллективные читки и обсуждения книг, начиная с самых простых текстов, рассчитанных на малограмотных, и кончая классическими произведениями для более образованных. Сегодня в СССР книжные склады и магазины столь же многочисленны, как в США киоски, торгующие содовой водой.

Ныне проблема состоит не в том, чтобы возбудить интерес к книгам, а в том, чтобы изыскать возможность удовлетворить огромный спрос. За последние 15 лет опубликовано семь миллиардов книг, из них 32 миллиона томов — Горького, около миллиона — Толстого (включая его первое Полное собрание сочинений в 90 томах); более миллиона экземпляров Пушкина. Тиражи современных популярных писателей часто достигают полумиллиона. В больших количествах ежегодно издаются классики от Гомера и Горация до Мопассана и Марка Твена. Гёте и Шиллер в большей мере известны массам русских, нежели немецкой молодежи. Если учесть всю печатную продук-

на страницу 31 ►

Альберт Рис Вильямс,
американский публицист

МИЛЛИАРДЫ КНИГ

сти неславянских народов были преодолены огромные трудности.

В своем прославленном стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» Пушкин писал: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой и назовет меня всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн...» Ныне это пророчество сбывается. В настоящее время эти народы не только знают имя его, но и могут прочесть его стихи, прибегнуть к его мудрости на своем родном языке. И наоборот, на язык Пушкина были переведены легенды, стихи и песни этих народов.

Однако самое поразительное — это дебют в сфере литературы ряда новых народов. О самом существовании их

ПОЭТЫ МИРА

О

«АВРОРА»

Бегцин ЯВУХУУЛАН (МНР)

Тот выстрел «Авроры» — как битвы сигнал
Для всех угнетенных во тьме прозвучал,

Позвал к новой жизни народы Земли,
И, плечи расправив, вставали народы;

И в степи Монголии новые дни
Пришли, подарив нам и мир и свободу.

Как радуги светлой все ярче сиянье,
Октябрьских зарниц над Землей полыханье.

Как луч, он домчался, ненастье пронзив, —
Великого Ленина к братству призыв.

И нет у Монголии братства верней,
Роднее и ближе советских людей.

Я верю, что эхом откликнется скоро
Над всею планетой тот выстрел «Авроры».

Перевод Ф. БУРТАШОВА

ЛЕНИН

Чжи ДАУН НВЕ (Бирма)

Величие и простота
В нем были слиты воедино:
Средь высочайших скал — вершина,
Простой, как истина проста.
Фундамент счастья заложил
Он для народа трудового,
Он нес планете правды слово
И этим время пережил.
Он пережил свой грозный век,
Когда в развалинах империй
Вставал в непоколебимой вере
Простой рабочий человек.
Тебя уж нет, великий сын
Земли, для нас такой далекой,
Но мы идем твоей дорогой,
И голос наш с твоим — един.
Ты нас учил, что лишь в борьбе
Мы цепи рабства уничтожим
И с голодом покончить сможем,
Путь к счастью проложив себе.
Вновь рвется к нашим берегам
Стервятник хищный из-за моря,
Немало нам принес он горя,
Но нас не одолеть врагам!
Все, что наметил ты, спешим
Мы претворить в дела земные,
Мнет ураган листы стальные,
И только дух несокрушим.
И вечно будет для людей
Земли счастливой и свободной
Сиять звездой путеводной
Бессмертный свет твоих идей.

Перевод Р. ДУБРОВКИНА

МОСКВА-РЕКА

Далия МЕНДОСА (Мексика)

Словно рифма прозвучала,
Речки чистое начало,
Что в глазах моих качала
Серебро воды.

НАШЕЙ

Внезапно, безо всякого перехода,
Вода потемнела
И подернулась рябью.

Когда мои глаза
Привыкли к темноте,
Я, словно в ночи, разглядела
Чистоту ее вод.

За тенью набегала тень,
Сгущалась темнота
Молчащей ночи.
Но серебрилась вода
В нескончаемых тенях.

Так я шла вдоль реки,
Словно желала отличить
День от ночи,
Словно пыталась измерить
Время ее водами.

Так я шла вдоль реки,
Пока ее воды не исчезли
Из виду.
И ушла ночь
С ее тенями,
С серебряной водой.

И тогда я перестала
Измерять время тенями,
Серебряными водами реки.
Потому что скоро я должна буду покинуть
Эту реку.
Столь знакомую
И так любимую!
Скоро я покину ее
И никогда не смогу увидеть эту реку из серебра
И теней,
Которую зовут Москва.

Перевод В. МАКАРОВА

БЕРЕЗЫ

Михал ХУДА (ЧССР)

Тону в незнакомой березовой роще
и в теплом купаюсь ее молоке.
Под сердцем тоска, нет тоски моей проще.
Березы скрываются вдалеке.

СТРАНЕ

Ах, сколько от них разливается света!
Белы белым днем, черной ночью — вдвойне...
Вплетает зима свои сны даже летом,
когда они тянутся к полной луне...

И звезды, как пчелы, кружатся несмело,
мерцают на ветках среди светлых стволов.
И чисто белеет их девичье тело,
одетое в нежную песню без слов.

Есенина сестры — березы России,
как свечи за здоровье, теплитесь вы.
О каждом ушедшем безвременно сыне
вы плачете, помня окопы и рвы.

Струятся и радость, и боль в ваших жилах.
Вам долго над нами в раздумье стоять.
Любой человек распрощается с жизнью,
но лишь ради жизни есть смысл умирать...

А вы разлетитесь, как белые птицы,
ваш свет над землей разольется, как крик.
Березы, во мне ваш напев шевелится,
ваш свет я по жизни несу каждый миг...

Перевод В. ШЛЕНСКОГО

ПЕРЕД РУССКИМ МУЗЕЕМ

Фан Тхи ТХАНЬ НЯН (СРВ)

Город Ленина,
Я вхожу в музей.
Срезы времени,
стилей множество.
Их не счесть,
а чувства итожатся.
Перед каждой картиной
нахожу друзей.
Очень долго стою
перед Левитаном я.
Осень русская.
Как тут описать
Кленов красоту,
всей природы стать!..
Грусть наводит
красота эта тайная...
Вот закрылась дверь.
Выхожу в простор.

Замираю на крыльце,
невольно вздрагиваю:
Те же клены
ко мне руки протягивают,
Окружает их такой же
голубой раствор.
Ветер трогает ветви,
листья падают
На мое плечо.
Земли касаются.
Золотые листья на снегу —
венки красавице.
Наклоняются все, на память берут,
себя радуют.
Поднимаю голову,
на кроны деревьев смотрю.
Отрясает ветер
чистейшее золото.
Целый год земля гонит соки
свежо и молодо,
Чтобы осенью листья
позолотили на небе зарю.
Разом я забыла
красоту картин.
Полнотой жизни природы
потрясена душа.
Я люблюсь кленовыми листьями
не спеша.
Они в полете волшебном —
к полотну картин.
Если снова увижу
картину Левитана я,
Обязательно услышу
шелест ветра и звук шагов,
Соков тайный шум
в глубине стволов...
И не будет мучить грустью
сила тайная.
Я склоняюсь низко
перед России красотой,
И, как школьница,
в блокнот прячу три листа;
Я хочу быть всегда
так же сердцем чиста,
Сохранить навсегда
этот день золотой.

Перевод В. ШИРОКОВА

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

Звонимир ХУСИЧ (СФРЮ)

Пушкинские горы, где так много солнца,
Где волной лесов зеленой
Можно захлебнуться...
Светлые просторы,
Где так много ветра,
Где так много неба,
И людей так много...
Пушкинские горы, где впервые в жизни
Как дитя я весел,
Как дитя я счастлив.
А в глазах, в улыбках,
И в стихах, и в песнях —
Александр Пушкин...

Перевод Л. ВОРОПАЕВОЙ

цию — от памфлетов до энциклопедий, — то за год публикуются около 45 тысяч наименований. Издательства не успевают удовлетворить спрос.

Этот процесс культурного роста обладает еще одной особенностью. С первых дней революция приучала людей к мысли, что они не пассивные потребители культурных ценностей, а их активные творцы. Все эти двадцать последних лет творческую интеллигенцию призывали идти в деревню, чтобы изображать ее в своих произведениях. В свою очередь, крестьян постоянно побуждали писать о себе, писать «обо всем, что они наблюдают в жизни и природе».

Так сложился Союз рабочих корреспондентов, в который за короткое время вступило 2 миллиона человек и к которым теперь добавилось еще несколько миллионов. Итогом явилось то, что сокровенные думы и чаяния людей получили художественное выражение, а также выявилось немало талантливых самородков. Были проведены специальные собрания и конферен-

ции, посвященные литературным вопросам, организовались специальные журналы; на некоторых заводах выпускаются свои литературные, а также юмористические еженедельники. И зачастую рабочие так же гордятся своей литературной продукцией, как и выполнением производственных планов. На заводах и в колхозах создаются кружки, где проходят обсуждения как классики, так и современной литературы; иногда писатели выступают с чтением своих новых сочинений на заседаниях таких кружков.

Рабочими написано и опубликовано около тысячи небольших книг и памфлетов на всевозможные темы; они пишут о революции, о последствиях пьянства, о добыче золота. В сборнике «Высокие горы» приняло участие около ста шахтеров. Рыбаки русского Севера создали антологию «Предания снежного побережья». В этих сборниках люди просто и бесхитростно рассказывают о том, чем они занимаются, что творят, с чем соприкасаются каждый день; короче говоря, они черпают сюжеты из окружающей их действительности.

Существенно, что эта новая форма

реализма оказала немалое воздействие на писателей-профессионалов, романистов, поэтов и драматургов. Старые, «вечные» темы — жизнь, смерть, любовь — обретают новые аспекты и особенности.

Как меняющаяся общественная среда изменяет людей, так эти новые люди, в свою очередь, изменяют среду. Писатель же, улавливая процесс подобного взаимодействия, не просто отражает жизнь, но и помогает ее перестроить. Творческая энергия писателя становится неотъемлемой частью жизни общества.

Сегодня множество народов и национальностей переживают свой золотой век: прежде угнетенные, безгласные, пассивные, они прокладывают свой путь, расставаясь со своим прошлым. Литература перестала быть личным достоянием, утешающим немногих; она стала неотъемлемой частью жизни семидесятипятимиллионного советского народа.

Сокращенный перевод с английского профессора Б. ГИЛЕНСОНА

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Декабрь, 1982 год, № 12

В НОМЕРЕ:

- 7. Майк Давидоу. ХЛЕБ ЗА ДРУЖЕСКИМ СТОЛОМ
- 10. Дюла Ийеш. ДНЕПРОГЭС
- 12. Эмма Смит. Я ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ
- 14. Борис Крумов. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ВБЛИЗИ
- 17. Гарольд Гриффин. ДОРОГА В БУДУЩЕЕ
- 18. Элтон Фэкс. ХАШАР — ЗНАЧИТ ВМЕСТЕ
- 22. Эриберто Монтано. ВРЕМЯ ПОЭТА

25. Рудольф Вальтер Леонхардт. БОЛЬШОЙ ТЕАТР

26. Альберт Рис Вильямс. МИЛЛИАРДЫ КНИГ

28. ПОЭТЫ МИРА О НАШЕЙ СТРАНЕ

На первой странице обложки: Москва, сердце Родины.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 12.10.82. Подп. к печ. 24.11.82. А03425. Формат 84×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1828.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, *К-30, ГСП-4, Суцневская ул., 21.

0-40-28

Die sechs Motoren

1. Der erste Motor war vom Zaren noch,
Der frass den Nafta wie ein grosses Loch.
Daran hing so manches Dorf 'nen Dynamo —
Drauf brannte Licht, das Licht vom GOELRO.

Im ersten Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

2. Der zweite Motor war schon selbst gebaut,
Der war robust und wie ein Flugzeug laut.
Es kam aufs Land ein Traktor für die Saat —
Als ein Geschenk vom Bündnispartner Proletariat.

Im zweiten Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

3. Der dritte Motor war schon überschwer,
Der zog schon ein paar Tonnen mehr.
Er kriegte eine dicke Eisenhaut —
So haben sie den T-34 aufgebaut.

Im dritten Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

4. Der vierte musst' dem dritten ähnlich sein,
In einem Dumper gegen Wald und Stein
Holten sie Sibiriens Gold und Holz
Und warn' auf sich und ihren Motor stolz.

Im vierten Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

5. Der fünfte Motor wie ein Vogel leicht,
Hat höh're Höhn als je zuvor erreicht.
Frühmorgens war es, als Gagarin flog —
Was seine Kreise mehr auf Erden als am Himmel zog.

Im fünften Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

6. Der sechste Motor ist für Dich und mich,
Weil vom Export bleibt übrig sicherlich
Ein Auto auch für Leute ganz privat —
Und frag nicht, warum das so lang gedauert hat.

Bis ins sechste Jahrzehnt der Revolution —
Na, du weisst schon...

Эта песня называется «Шесть моторов», и написали ее для ансамбля политической песни из Дрездена «Шихт» поэт Бернд РУМП и композитор Юрген МАГИСТЕР. Эта песня — о шести десятилетиях победной поступи Страны Советов, о том, что, как говорят авторы песни, «каждый знает и сам»: «Первым мотором Советской власти была динамо-машина, был план ГОЭЛРО — впрочем, ты об этом знаешь и сам. Второй мотор был подарком пролетариата крестьянству: первый советский трактор. Да ты об этом знаешь и сам... Потом — ты об этом знаешь — надо было укреплять оборону, и появились танки. А после войны надо было восстанавливать страну, надо было осваивать целину, Сибирь — и появились вездеходы: об этом ты тоже знаешь. Пятый мотор — он был легок, как птица, — поднял в небо Юрия Гагарина. А сейчас — об этом ты знаешь и сам — все моторы работают для того, чтобы людям в Стране Советов жилось как можно лучше».

Musical score for the song, consisting of four staves of music with lyrics in German. The score includes a 4/4 time signature and a 'Fina' marking at the end.

Индекс 70781
Цена 35 коп.